

[Polaris]

Павло
КРАТ

КОГДА ВЗОШЛО
СОЛНЦЕ

Рассказ из 2000 года

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CDXII

Salamandra P.V.V.

**Павло
КРАТ**

КОГДА ВЗОШЛО СОЛНЦЕ

Рассказ из 2000 года

Salamandra P.V.V.

Крат П. Г.

Когда взошло солнце: Рассказ из 2000 года. Пер. с укр. М. Фоменко. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2023. — 76 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CDXII).

Маленькая повесть писателя, поэта, религиозного, политического и общественного деятеля Павло Крата (1892-1952) считается первой утопией в украинской литературе. Герой этого во многом наивного повествования, замороженный в ходе научного эксперимента, просыпается много десятилетий спустя в мире, где давно воцарился социализм. В новом обществе нет ни классов, ни религии, ни политического строя, ни денег, ни государств — одно счастливое человечество с фантастическими машинами, работающими на солнечной энергии.

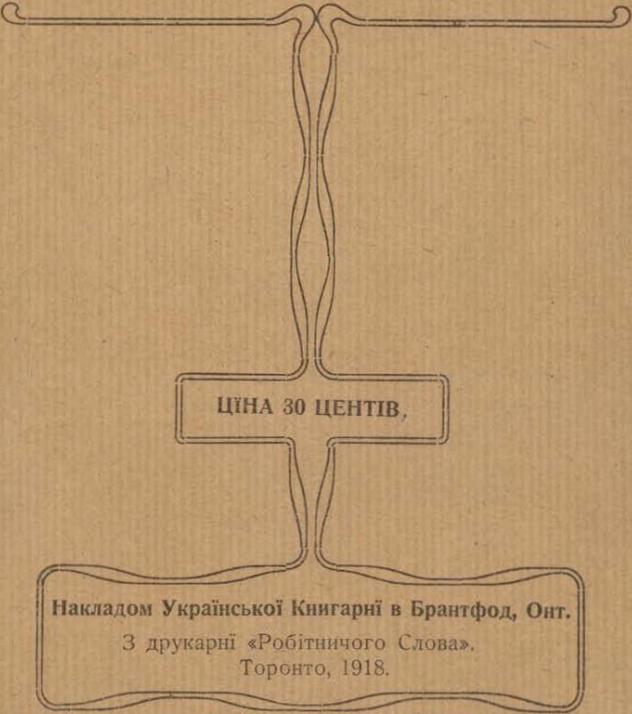
© М. Fomenko, перевод, 2023

© Salamandra P.V.V., оформление, 2023

П. КРАТ.

КОЛИ ЗІЙШЛО СОНЦЕ

ОПОВІДАНО З 2000 РОКУ.

ЦІНА 30 ЦЕНТІВ.

Накладом Української Книгарні в Брантфорд, Онт.

З друкарні «Робітничого Слова».

Торонто, 1918.

КОГДА ВЗОШЛО СОЛНЦЕ

Рассказ из 2000 года

— Он будет жить, — услышал я над собой ласковый женский голос.

«Что за чудо? — подумал я. — Где я и что со мной?» Чувствовал только, что по моему телу пробежали какие-то горячие потоки.

— Дайте ему выпить этого лекарства, — произнес голос.

Чьи-то руки раздвинули мои губы и влили что-то в рот. Я глотнул. Тогда мои глаза открылись, и я увидел над собой женское личико такой красоты, что на миг готов был поверить в существование ангелов. Черно-волосая, с кожей цвета розового лепестка, чернобровая, синеглазая, она улыбалась мне своими красными как калина губками, за которыми, словно ряды жемчужин, поблескивали белые зубки, и говорила, как маленькому ребенку:

— Будем жить, будем жить!.. Но даже не думайте вставать, это вам повредит, — воскликнула она, когда я попробовал пошевелиться. Теперь я заметил, что рядом со мной стояли четверо крепких, здоровых парней, одетых, как и она, в светло-голубые халаты, похожие на одежду госпитальных служителей.

— Где же я?

— Лежите и ни о чем не думайте. Вы там, куда хотели попасть.

Где-то, когда-то я видел ее личико... Оно казалось мне таким знакомым. Но где? Я понял, что полностью утратил память.

— Скажите, кто вы и что со мной случилось, не то я с ума сойду! — крикнул я ей, сообразив, что она была здесь за старшую.

Она засмеялась и велела дать мне какое-то снотвор-

ное.

Когда я снова проснулся, она сидела возле меня в кресле, а сам я лежал на больничной кровати в красиво убранной, освещенной солнцем палате.

— Вас зовут Петро Иванчук?

— Я не помню, — ответил я, действительно позабыв собственное имя.

— Вот, посмотрите, — и она подала мне пожелтевший лист бумаги. На нем значилось: «Я, Петро Иванчук, сын Ивана Иванчука из Бубнища в Галиции, позволяю доктору Гибсону, профессору медицины Ванкуверского университета в Ванкувере, Б. К., заморозить меня по методу профессора Бахметьева, болгарского министра просвещения, с условием, что Ванкуверский университет будет ухаживать за мной до 10 часов утра 1-го мая 2000 года, в каковой день я должен быть заморожен и по возможности возвращен к жизни». Подписано «Петро Иванчук»; вслед за этой подписью шли подписи доктора Гибсона и нотариуса, а также разрешение парламента Британской Колумбии заморозить Петро Иванчука по собственному желанию.

— Получается, я и есть этот Иванчук? — спросил я у докторши, которая пристально глядела на меня, дожидаясь минуты, когда я все вспомню.

— Ну да, это вы!

— Я не знал.

— А это кто будет? — и она показала мне фотографию какой-то женщины, пожелтевшую, как и лист бумаги.

Ох! Теперь я вспомнил все.

— Это в прошлом. Она полюбила другого и вышла за него. Я не мог вынести сердечную боль и, когда доктор Гибсон, преподававший у нас в колледже анатомию, сказал, что хорошо было бы выяснить, способен ли человек пережить замораживание, предложил ему

себя... Но почему вы меня преждевременно разморозили?.. Все-таки я собирался проснуться в 2000 году, а не ночь спустя.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась докторша. — Долгая же у вас выдалась ночь: ровно 81 год и четыре месяца.

— Значит, всех тех, кого я знал, больше нет в живых?

— Видимо.

— И ее нет? — указал я на портрет своей давней возлюбленной.

— Она умерла в 1982 году.

— Вы были с ней знакомы?

— Я ее внучка.

Теперь я узнал ее лицо. Она была так похожа на мою Бесси, только в тысячу раз прекраснее.

— Однако же, вы — плохой человек.

— Почему?

— Ну как же: из любви и зависти к сопернику вы лишили себя жизни на восемьдесят один год!

— Сердцу не прикажешь... И, в конце концов, мне больше хотелось послужить науке, — соврал я.

— Ах, науке... Вероятно, замораживание совершенно остудило пыл вашего сердца, — насмешливо заявила она.

— Не знаю...

— Товарищ Глэдис, когда вы покажете нам вашего размороженного? — донесся до нас шепот из-за приоткрытой двери.

— Сейчас уже можно, — сказала докторша.

Дверь распахнулась и палату заполнила толпа людей. На их лицах было написано любопытство, взгляды были устремлены на меня.

— Как поживаете? как вы себя чувствуете? — засыпали меня вопросами.

Благодаря их за такую расположенность ко мне, я в то же время с удивлением рассматривал и их самих, и их наряды. Среди них были молодые и старые, женщины и мужчины, но все такие статные, румяные! Даже седовласые были полны здоровья, энергии и юмора, точно школьники. О женщинах нечего и говорить: мне было даже трудно угадать их возраст. А надето на них было такое, что мне стало неловко их рассматривать. То было нечто подобное персидским одеяниям — какие-то туманные покровы из почти прозрачного шелка; грудь была прикрыта золотыми чашами, а с плеч свисали невесомые, как паутина, накидки; прически напоминали египетские кораблики времен фараонов. Меня ослепил блеск золота, самоцветов, шелков и красоты. На мужчинах были белые рубахи и штаны, но некоторые красовались в одеяниях, похожих на древнегреческие тоги и туники. Мне показалось, что эта толпа явилась посмотреть на меня лишь для того, чтобы удовлетворить свое любопытство. Но одно меня удивляло: их лица несли на себе печать разума и высшего интеллекта, чего я никогда не видывал у ветреной молодежи из капиталистического класса. Удивительным было и то, что они обращались ко мне и друг к другу со словом «товарищ». Что за перемены произошли на том свете?

Женщины уселись вокруг меня на кровати и зачирикали, как канарейки.

— Вы должны рассказать нам о вашей эпохе. Мы так обрадовались, узнав, что вас будут размораживать. Вы настоящий герой! Вы подарили науке доказательство, что людей можно замораживать на сотни лет. Теперь многие из нас сделают то же, чтобы увидеть будущие века...

Я, в свою очередь, собрался было расспросить гостей об их жизни, но докторша Глэдис сказала, что волно-

ваться мне пока еще вредно, и они, желая мне как можно скорее встать на ноги, вышли из комнаты.

— Это местные капиталисты? — спросил я у Глэдис.

Она не поняла этого термина.

— Капиталисты? Что такое капиталисты?

Я разъяснил.

— Нет, это наши...

— Ванкуверские мещане? — спросил я.

— Опять я вас не понимаю... Это наши.

Так я на первых порах и не узнал, что за люди ко мне приходили.

— Теперь мы снимем с вас все эти бинты и попробуем немного пройтись на свежем воздухе.

И она снова позвала больничных санитаров. Меня разбинтовали, выкупали и одели в модную римскую тогу, после чего я взглянул на себя в зеркало. От ужаса я буквально задрожал: в зеркале отражался какой-то изжелта-синий полумертвец.

— Ох, каким я стал! — воскликнул я.

— Не беспокойтесь, наши доктора за месяц превратят вас в молоденького парня, — утешила меня Глэдис.

Пытался идти, но ноги сгибались. Тогда меня усадили в красивое кресло с колесами, которое двигалось посредством какой-то неведомой силы. Глэдис сказала, что сама пойдет со мной на прогулку, только переоденется. Санитары подвезли меня к двери, а вскоре пришла и Глэдис, нарядная, как и прежние дамы, овитая легкой, как мечта, золотисто-зеленоватой дымкой.

Она нажала пуговку на кресле и оно неторопливо покатилося. Мы вышли через огромную стеклянную дверь на улицу. Но что это была за улица! Вымощенная красноватым, словно резиновым асфальтом, тротуары из голубого цемента, а между мостовыми и тротуарами цветы и цветы. Домов мало; здания отделены друг от друга садами, налитыми теперь яблоневым цветом.

Когда Глэдис перевозила меня через улицу, я увидел залив и горы по ту сторону.

— Это Северный Ванкувер? — спросил я ее.

— Да.

— А эта улица, на которой мы находимся?

— Не узнаете?.. Это Гейстинг.

— Гейстинг?.. Но ведь по всей улице должны быть сплошные стены. Где магазины, канцелярии, кинематографы, закусочные? Нет, это не Гейстинг, или же это не Ванкувер.

— Я видела фотографии старого Ванкувера и понимаю, о чем вы спрашиваете.

Тем временем навстречу нам попадались то юноши, то девушки, а то и пожилые люди, и все приветствовали мою докторшу словами «Добрый день, Глэдис» или «Здравствуйте, товарищ Глэдис». Что за диво, весь город ее знает, будто она всем сестра...

— Где же ваши магазины и весь деловой район?

— Вы говорите о наших потребительских складах?

— Потребительские склады?.. Я спрашиваю, где вы покупаете себе все, что вам нужно?

— Мы ничего не покупаем, я даже плохо понимаю, что значит это слово.

— Ну, меняете деньги на необходимые товары.

— Да, знаю; у нас в музее есть эти бумажки и блестящие кружочки. Надо же, какими глупыми были люди минувших веков — они соглашались в обмен на свой труд получать клочки никому и ни для чего не нужной бумаги.

— Но как вы живете без денег? — не поверил я ей, думая, что она шутит.

— А зачем нам деньги? Мы все работаем...

— И мы работали, — перебил я ее.

— Работали, но этот труд был одним мучением, а пользовались им единицы.

— А теперь как?

— Теперь у нас все счастливы, все довольны, а единиц тех больше нет.

— Что же такое случилось с миром?.. Неужели сбылись мечты социалистов?.. — взглянул я на нее.

— А вы не были социалистом?

— Нет, я в политику не играл. В голове у меня была только медицина.... Хотя я сочувствовал идее экономического равенства.... Когда это произошло?

Постепенно нас окружила толпа товарищей — мужчин и женщин всех возрастов. Глэдис остановила кресло-каталку. Меня приветствовали, как самого почтенного из родственников.

— Мы узнали, что вы разморозились в добром здравии... ах, как мы рады, как рады!.. (я решил, что утренние газеты сообщили о моем воскрешении).

— Товарищ Пит интересуется, как мы дошли до нынешнего общественного устройства, — сказала Глэдис.

Все задвигались, посыпались объяснения, и через несколько минут я узнал, что после мировой войны 1914 года и российской революции 1917 года мир не стоял на месте. Волна социальной революции понемногу охватила все человечество, и уже к 1950 году коллективизм проник в самые дальние уголки земного шара. Так частная собственность на землю и средства производства сменилась коллективной.

— А что с государствами? что с Канадой? — полюбопытствовал я.

— Государств у нас нет. Теперь есть только человечество.

— Кто же управляет?

— Правительство, таких, как были когда-то, у нас тоже нет. Правда, земля разделена на районы согласно производимым продуктам, и соответственно этому, у нас имеются индустриальные комитеты, которые сле-

дят, чтобы всего было произведено сколько требуется.

— А парламенты, кабинеты министров, суд, полиция, войска, тюрьмы?

— Ха-ха-ха! — захохотали все. И я узнал, что вместо парламентов у них теперь ежегодные съезды, тогда как министры, судьи, полиция и войска — все это исчезло.

— Как же вы проводите суды и защищаетесь от нападения врагов?

Снова что-то странное! Говорят, что у них нет врагов и не бывает никаких преступлений.

— Почему так?

— Преступления существовали потому, что миром правили профессиональные злодеи. Прибавьте несознательность народа, частную собственность... Ныне политики нет, нет и губителей человечества — политиканов. Народ стал сознательным, а школы воспитали новое поколение на идеях братства и коллективного труда.

Они говорили:

— Весь мир и все мы чувствуем себя обеспеченными, мы владеем всем, чего достигли техника и наука. Воровать у себя никто не будет; убивать друг друга мы не способны, мы любим в каждом брата и сестру по человечеству. Мы все — одна семья, семья людей, и мы уже стерли в себе зверские черты минувшего.

— Почему же мы, безмерно гордившиеся своей цивилизацией, не додумались до того, к чему вы так просто пришли? Сколько крови и слез пролито зря... — и я склонил в отчаянии голову, ощущая на себе позорную печать прошлого, живым представителем которого в этом мире был один только я.

Но они поняли мою печаль и тотчас показали, какими чуткими были их сердца.

— «Размороженный дедушка», «дедушка всего чело-

вечества», посмотрите на нас! Ваша эпоха сделала свою работу, без вас не было бы и нас, ведь мы — продолжение вашей жизни. Радуйтесь же, что люди наконец сбросили оковы мучений и несчастий.

И они схватили мое кресло и покатали меня по улице, распевая свой «Гимн человечества», который начинался так:

Все мы братья, все мы сестры,
Люди все — одна семья,
Всех мы любим,
Уважаем,
Пусть живут и ты, и я!

Из домов выходили жители, здоровались со мной и подхватывали песню. С одного из дворов на улицу метнулась пума, неся в пасти маленького детеныша.

— Привет, Дженни! — закричали мои приятели. Пума замурлыкала, как кошка, и положила мне на колени своего котенка.

— И вы не бойтесь, что зверь сожрет ваших детей? — спросил я.

— Ой, нет! Дженни хорошая кошечка, она играет с нашими маленькими братиками и сестричками.

Затем я заметил под кустами роз черного медведя, который безмятежно спал, как батрак после тяжелого рабочего дня. По улице гоняли кролики, повсюду в садах пели птицы, на ветвях черешни раскачивалась пара енотов.

Разбудили медведя и познакомили со мной; звали его Урсус.

— Мы отобрали у зверей их леса и горы, но за это даем им место среди нас.

Пума, ее детеныш и Урсус льстились, как домашние коты. Я вспомнил, как не раз убивал на охоте мед-

ведей и пум. Совесть впиалась мне в сердце!.. А одна девушка, схватив котенка, воскликнула:

— Назовем его Питом в честь нашего нового товарища, — и котенок стал Питом.

Меня повезли дальше. Урсус тоже заковылял вместе с нами. Мы поднялись на холм, где когда-то находилась Мэйн-стрит. Как и в начале 20-го века, за темно-синими водами морского залива белели снежные вершины гор. Но и здесь не было больших домов, а вместо них раскинулся просторный, устланный травой парк размером с квадратную милю; в парке тут и там были разбросаны здания побольше и поменьше и детские игровые площадки.

— Это наша школа, — сказали мне.

Ворота в парке-школе заменяли две статуи. Одна изображала отца, мать и троих детей; все они ласково обнимались (на постаменте была надпись: «Дети! Любите старших товарищей»), а другая — двух юношей и двух девушек, обнявших друг друга за плечи; надпись на ней гласила: «Любим».

— Как видите, цель наших школ — развить в детях человечность, основанную на взаимной любви.

— А в наших школах детей учили милитаризму и слепому национализму, — заметил я.

Меня подвезли к первому школьному зданию. Из двери выбежали учительницы и с сестринской радостью покатали мое кресло внутрь. Там за партами сидело пятьдесят здоровеньких, красиво одетых детей, которые приветствовали мое появление радостными криками, но никто из них не вскочил на ноги. Видимо, порядок здесь был строгий. Меня подкатили к учительской кафедре. На стене я заметил карту полушарий с надписью: «Твоя родина — весь мир». В этом есть резон, согласился я.

— Дети! — произнесла учительница. — К нам при-

шел очень дорогой гость, человек начала двадцатого столетия, о котором я уже вам сегодня рассказывала. Он теперь будет жить с нами и мы должны сделать его жизнь приятной.

— Мы все вас любим, старший товарищ! — звонкими голосками крикнули дети.

— И я вас тоже люблю, мои птенчики, — растроганный до слез, ответил я.

— Можете встать и поздороваться с товарищем Питом, — разрешила учительница. После этого меня едва не задушили в объятиях.

Я захотел узнать, чему они учатся.

Здесь были дети в возрасте семи-восьми лет. На партах я не видел никаких книг или тетрадей. Спросил у учительницы. Вместо ответа она нажала на своей кафедре беленькую пуговку (этих пуговок там было сотни две), и внезапно я услышал красивый мужской баритон, читавший... Я прислушался и узнал бессмертную книгу о Робинзоне Крузо, этом добром приятеле детей.

— Вот как? У вас граммофон сменил книгу? — вскричал я.

— Мы называем этот прибор библиофоном, — весело поправила меня учительница, а дети, Глэдис и все остальные, бывшие в классе, рассмеялись при виде моего изумления.

— А как вы пишете?

— Смотрите на эту доску, — сказала учительница и попросила свою помощницу положить какую-то пластину в ящичек у стены. Потом нажала пуговку и на доске появились слова, как будто эта черная доска была стеклянной и под стеклом каждая буква светилась.

— А если вам нужно написать что-нибудь самостоятельно?

— Тогда мы используем вот этот прибор, — и она

начала нажимать клавиши вроде тех, что были на наших старых пишущих машинках, а на доске засветились слова.

— Прекрасно! Но письма-то вам приходится писать пером?

— Нет, у нас есть диктограф... Вот он, — и учительница, взяв что-то похожее на валик, какие мы использовали в эдисоновских фонографах, положила его в машинку, стоявшую у нее на столе (такие механизмы были и у каждого ребенка). Потом проговорила в трубку несколько слов, вынула валик из диктофона и, сняв с валика тоненький твердый листок, подала его мне.

— Теперь, если хотите услышать, что здесь «написано», положите это вон в ту прорезь.

Я так и сделал, учительница нажала пуговку и мы отчетливо услышали ее голос, словно говорила она сама.

— Так вы совершенно не пишете? — не успокаивался я. — И в чем состоит ваша наука?

Мне объяснили, что дети учатся и старинному способу письма, но его употребляют разве что в тех случаях, когда надо что-то срочно записать, а диктофона под рукой нет — а также для надписей на памятниках, домах и так далее. Диктофон лучше старинного письма и в том, что он приучает детей к быстрому мышлению и разумной беседе.

— Мы являемся всемирным народом тружеников, — продолжала учительница. — И наш образовательный метод призван воспитать в детях любовь к труду, к почитанию труда!

— А в мое время детям внушали уважение к всевозможным прославленным воинам и тому подобное. Почитаете ли вы Нельсона, Вольфа и других? — поинтересовался я.

— Ой, нет! Мы встречаем эти имена во всемирной истории, но все это кровавое прошлое нас не интере-

сует. Наши герои — творцы духа, творцы жизни. Рабочий с жилистыми руками, воздвигший культуру в этой стране, — таков наш герой! Наши герои — все те, кто своей мыслью рассеивал тьму незнания, позволил миру познать себя, даровал нам пламя человечности, которое согревает нас и ведет к новым вершинам добра и красоты!

Тем временем из всех школ протестующе телефонировали учительницы: им не нравилось, что меня задерживали в одной школе, тогда как видеть меня желали все. Меня повезли в другую школу. Но учительницы сговорились и выпустили всю детвору в парк.

Меня окружила тысяча любопытных детских лиц, а уж крику было, а визгу! Всем очень хотелось меня обнять. Глэдис испугалась за мое здоровье и попросила учительниц успокоить детей. После мое кресло вкатили на платформу, откуда дети спускаются в парк, и мне пришлось держать к ним речь. Все уселись на траву: и дети, и учительницы, и медведь Урсус вместе с ними. Я начал рассказывать им о мировой войне 1914 года. Дети и учительницы скривились. Одна сказала:

— Товарищ, расскажите нам что-нибудь хорошее, а такого мы не любим...

— Хорошее? — растерялся я. Напрягал свой мозг и не мог вспомнить ничего хорошего из времен моей жизни в начале двадцатого века.

— Хотите чего-то хорошего?.. Ага! — обрадовался я. — Раз в год мы дарили один другому рождественские подарки.

— Только раз в год? — удивились дети. — А еще что?

— У нас существовало общество, где вязали носки для раненых солдат, было общество защиты собак....

На этом я умолк. Я видел, что дети остались совершенно мной недовольны.

Спасла ситуацию Глэдис.

— Дорогие маленькие товарищи! вы не должны поражаться тому, что во времена жизни этого товарища в мире было так мало добра и любви. Сам он был добрым человеком и ради науки дал себя заморозить на долгие годы. Наш долг — показать ему отзывчивость наших сердец.

И туча рассеялась: дети вновь любяще глядели на меня. Я попросил скатить кресло на землю и они стали возить меня по парку, щебеча и рассказывая о своем маленьком детском мирке.

Но вот прозвонил колокол: раз, два, двенадцать.

— Обед! — закричали дети и помчались прочь из парка. Глэдис забрала меня и с несколькими учительницами пошла обратно в сторону того здания, которое я считал больницей.

II

— Где ты сегодня обедаешь? — спросила мою докторшу подруга.

— Где-нибудь. Отец на ферме, — ответила та.

— Пойдемте ко мне, — пригласила подруга.

Мое кресло очутилось у двери красивого дома. На двери была надпись золотыми буквами: «Ласси Макинтош, девушка». В доме было хорошо! Прекрасная мебель из дорогого дерева, обитая добротной тканью, узорные ковры, картины, лампы, статуэтки; все окна заставлены вазонами с пышными растениями.

«Такая мебелировка стоит больше трех тысяч», — подсчитал я.

— Пусть товарищ почитает газету в библиотеке, пока мы готовимся к обеду, — сказала Ласси и пригласила меня в другую комнату. Здесь не было ни единой

книги, лишь несколько шкафов с экранами наподобие тех, на каких у нас когда-то показывали «движущиеся картины». На стене я заметил громкоговорящий, похожий на рупор школьного библиофона.

— Нажмите эту клавишу и читайте газету, — объяснила хозяйка дома и ушла.

— Будем «читать», — проговорил я и нажал. Вдруг из рупора библиофона раздался голос: он рассказывал всю мою историю и расхваливал Глэдис, сумевшую меня воскресить. Далее «газета» сообщала, что я буду выступать эти вечера в зале им. Ч. Дарвина в Ванкувере. Последовала новость об окончании посевной в Альберте, Саскачеване, Манитобе и Северной Дакоте и начале преджатвенных каникул с 10 мая. Работники, занятые на посевной, возвращаются домой, сообщала газета.

«Очевидно, так же в мое время ездили из Онтарио на Запад на фермерские работы», — объяснил я себе.

Газета рассказывала и о научных изобретениях, новых песнях и картинах, причем я сразу же видел эти картины на стене; сообщала — и очень забавно — о помолвках. Например, Маруся Заокипна с Украины обручилась с Леокардио Гарра из Мексики, а Ревекка Шварц (Иерусалим, Палестина) собиралась выйти за товарища Ишиши из Йокогамы, Япония.

— Что за мешанина? — вскричал я.

Много было известий о балах, развлечениях, пикниках, приятных сюрпризах, придуманных для тех или других людей приятелями, но я не услышал ни слова об арестах, убийствах, приговорах, войнах, никакой критики или сообщений о нападениях политиканов на их партийных врагов.

Я понемногу заскучал, выслушивая новости о благодушном и счастливом настроении общества. Наконец я дождался и печального: зачитали список умерших. Но

вот странность! все они ушли из жизни в возрасте более ста лет. Также сообщалось, что во время морских лодочных гонок у берегов Сан-Франциско одна лодка столкнулась с другой и двое молодых людей утонули.

С меня было довольно и я нажал клавишу, заставив «газету» замолчать. Я сидел и раздумывал: рожденный в прошлом, впитавший дух зла, смогу ли я жить с этим идеальным народом?

— Ну, мы уже готовы, — и дамы повезли меня к столу, на котором не было ни одного блюда. Уселись за стол. Я заметил, что мои приятельницы явно прихорошились и теперь просто сияли своей красотой. На стене против меня висела табличка с надписью: «Кто не работает, тот не ест».

— Это у вас вместо нашего «отченаша» висит? — спросил я.

Но Ласси вдруг встревоженно обратилась к Глэдис:

— Где же мы возьмем еду для Пита? У него ведь нет рабочей карточки?

— Он на положении больного, — ответила Глэдис. — Только я забыла получить для него больничную карточку... Нужно запросить госпиталь.

Глэдис взяла в руки что-то похожее на старинный телефон и попросила к аппарату товарища Джорджа. Спустя несколько минут в стене распахнулась дверца и выпала зеленая карточка.

— Теперь у нас будет обед и для вас, — обрадовались дамы. Спросили у кого-то по телефону, что на сегодня готовили, и выбрали себе, что хотели, а для меня Глэдис заказала что-то специальное. Затем взяли зеленую карточку, добавили к ней свои красные и, положив в круглый футляр, бросили в предназначенное для этого отверстие в стене.

Через несколько минут обед, полученный из того же отверстия, был уже на столе.

— У вас кухня под домом?

— Ой, нет! — засмеялись дамы. — Кухня далеко, за мостами.

— Как же это? — удивился я.

— Ничего удивительного. Везде под городом проложены особые трубы, ведущие от каждого дома до городской кухни.

— А что, если кто-то захочет готовить дома?

— Тогда готовят дома. Правда, таких людей совсем мало. Бывает, очень близкие друзья готовят сами, когда устраивают семейную вечеринку... Да и к чему готовить дома, если все, что мы любим, можно получить на нашей общественной кухне?.. Но давайте есть.

На столе было несколько блюд, фрукты и напитки, но блюда были без мяса, напитки — без алкоголя.

— Как я понимаю, мяса вы не едите?

Дамы состроили гримасы, словно я спросил их, любят ли они жаркое из человечины.

— Кто из нас способен на такую жестокость, как резать домашнее животное? — сказала Ласси, а Глэдис добавила:

— Мясо вредно для здоровья.

— Блюда, однако, очень вкусные, — снова удивился я, не понимая даже, из чего они сделаны.

— Вот тут у вас написано: «Кто не работает, тот не ест», — продолжал я. — Разве вы не могли уделить мне часть своей еды, не беспокоясь о «карточке больного»?

Девушки опять выпучили глаза, как будто я сказал что-то невероятно безнравственное. Я понял, покраснел и стал извиняться.

— Это наш единственный закон! — твердо произнесла Глэдис, указывая рукой на табличку.

— Как же вы зарабатываете на хлеб насущный, и кто выдает вам эти красные рабочие карточки? Или же это ваши деньги?

Глэдис объяснила:

— Мы сами даем эти карточки друг другу. На работе выбираем временного бригадира и тот раздает нам карточки.

— А дети?

— Дети до пяти лет полностью освобождены от работы, и им выдают синие карточки. Затем дети тоже потихоньку начинают работать, чтобы привыкнуть к жизни взрослых работников и работниц.

— И сколько часов в день вы работаете?

— Зависит от работы. На тяжелых или неприятных работах меньше; на легких больше. Зимой, когда мы заняты на фабриках, работа длится два часа в день, а летом на жатве трудимся дольше. В случаях чего-либо чрезвычайного, например каких-то катастроф или необходимости срочной работы, можем трудиться и по шесть и более часов. Такие работы очень любят наши парни — там они могут показать свою удаль.

— А как обстоит у вас дело с интеллигентным трудом?

— Что это такое? — не поняли дамы.

— Такой труд, как ваш: докторов, учителей, всевозможных ученых.

— Мы плохо понимаем, о чем вы спрашиваете... У нас неинтеллигентных людей нет... Что же касается докторов, учителей, а особенно любителей наук и искусств, то эта работа делается в свободное время. Мы все заняты интеллектуальным трудом: одни ставят научные опыты, другие пишут книги, третьи ваяют или рисуют, четвертые совершенствуют станки. Но ради пропитания работают все без исключения. Кстати говоря, эти два часа труда, а то и меньше, как раз и обеспечивают необходимую для нашего тела гимнастику.

Меня поразило, что у них не было предусмотрено специальное образование и разделение труда.

— Все это вполне обычно, — ответила Глэдис. — Наши дети и молодежь получают общее образование, равное по объему программе бывших университетов. А в свободное время они специализируются в тех или иных науках и профессиях — кому что нравится.

— А что с фермерами?

— Посевная закончилась, и работники скоро вернутся домой.

Очевидно, она меня не поняла.

— Нет, я спрашиваю о фермерах, владельцах земли, которые постоянно живут на своих фермах, заботясь о посевах и скоте.

— А, так вас интересуют эти несчастные ссыльные, что жили когда-то в прериях за милю друг от друга, выращивая скот и зерно для больших компаний? Их потомков там уже нет. Когда наступила эпоха коллективизма, фермеры были освобождены от необходимости сидеть зимой в одиночестве в занесенных снегом домах... Теперь мы все ездим в прерии на сев, жатву и молотьбу, а на зиму оставляем там только наши машины.

— Так вы превратились в птиц! — рассмеялся я. — Летом на север, а осенью в теплые края... Неплохо устроились ваши фермеры.

— Вы считаете, что фермеры у нас составляют какой-то отдельный класс? Нет, мы не знаем никаких классовых различий. Все мы рабочие и все фермеры. Весь земной шар — наше большое хозяйство. Мы живем на земле, обрабатываем землю, на ней стоят наши фабрики, — теперь старушка-Земля стала настоящей матерью всего человечества.

То было нечто настолько грандиозное, что мой разум отказывался это понимать. Я лишь создавал, что человеческое существование стало более обеспеченным, чем в мое время.

— Найду ли я работу? — нерешительно спросил я.

— Конечно. Как только выздоровеете. Не думайте об этом сейчас.

— И вы не боитесь лишнего рта в вашем обществе?

— Чего нам бояться? Наши машины способны выработать столько жизненного продукта, что мы могли бы даже принять у себя жителей других планет, если они существуют.

В дверь кто-то поскребся. Ласси побежала открывать. Вошел оставленный нами в парке медведь.

— Ой, Урсус! ты пришел обедать? — воскликнула девушка и обняла зверя за голову. Тот заурчал, отвечая на ласку.

— Чем же вы его накормите? У него-то уж точно нет рабочей карточки, — пошутил я.

— Нет, есть... Урсус играет с детьми и помогает в тяжелых работах, когда невозможно применить машины. Я его вырастила и он живет здесь у меня, как единственный член семьи, — сказала Ласси. (Позднее я узнал, что Ласси была сиротой.)

Урсус получил свой паек.

— Я ставлю опыты, изучая интеллект медведя, — стала рассказывать Ласси, когда мы закончили обед и меня прикатали в гостиную.

— Урсус, ударь три раза.

Медведь послушался.

— Теперь пять.

Медведь выбил лапой пять.

— Превосходно! — воскликнул я.

Глэдис сказала, что мне пора возвращаться в больницу для дальнейшего лечения.

Я обратил внимание на обстановку дома.

— Как вы достаете такую мебель, ковры, картины? Это же страшно дорого!..

— Обмениваем на те же рабочие карточки.

— Но как?... Сколько нужно карточек, чтобы обза-

вестись подобной роскошью?!

— Все, в чем мы нуждаемся, мы получаем с наших общественных складов — достаточно лишь показать обычную рабочую карточку на тот день, когда нам что-либо требуется.

Я удивленно вытаращил глаза на Глэдис.

— Что вас удивляет? Мы одинаково трудимся, изготавливая все необходимое, и одинаково получаем все нужные для жизни вещи.

После мы попрощались с Ласси; я потрепал за ухо ее медведя, и Глэдис покатила мое кресло в направлении больницы.

Солнце весело сверкало над городом...

Дети бегали по улицам, поливали цветы, пуская из колонок трещотками воду; мыли также тротуары и мостовые. Смеялись, кричали.

— Это их работа, — сказала Глэдис.

— И игра, — добавил я.

Мне показалось странным, что на улицах не попадались ни телеги, ни автомобили.

— Наши телеги вон там, — и Глэдис указала на небо.

Я запрокинул голову. Удивительное зрелище! По небу во все стороны сновали самолеты — и такие, какие были в мое время, и какие-то огромные, похожие на целые корабли. Некоторые — видимо, грузовые — подобно птицам несли под собой какие-то грузы.

— Так вот оно что! — только и сумел я произнести. — Вы стали летающим народом!

Теперь я заметил, что на всех крышах домов стояли частные самолеты. Люди прилетали и улетали с крыш (к слову, крыши эти были плоские).

— А как поступили с кораблями?

— Мы в кораблях не нуждаемся. Зачем нам бороться с ветрами и штормами, когда мы свободно и быстро

летаем над океанами?

Я спросил, с какой скоростью летают современные самолеты.

— Около 250, а иногда и 500 миль в час.

— Значит, вы можете облететь всю Землю за 2-4 дня! Это чудесно!

На дверях домов я стал замечать надписи, похожие на ту, что я видел на двери дома Ласси. Одни гласили, что здесь живет такая-то или такая-то «девушка»; в других домах, согласно надписям, проживали молодые замужние женщины или «товарищи такой-то и такая-то». Я спросил об этом Глэдис и опять услышал кое-что новое. Она сказала, что все парни и девушки, достигнув возраста, соответственно, 20 и 18 лет, имеют право требовать от общины отдельный дом для проживания.

— И у вас заведена свободная любовь без всякого брака? — спросил я, а сам подумал: «Должно быть, здесь процветает высшая степень разврата».

— Конечно, любовь у нас свободна, — отвечала Глэдис, не ведая о моих мыслях.

— Ну, а как же дети? Знают ли они своих отцов? Может, у вас совершенно исчезли родственные чувства?

Я был уже готов сказать, что минувшее столетие, по крайней мере в этом отношении, стояло выше их мира.

— Я вас сперва недостаточно хорошо поняла, — отозвалась Глэдис. — Разумеется, наши дети знают своих родителей, потому что живут с ними, за исключением сирот. Бывает также, что родители расходятся, утратив чувство любви друг к другу. Но подобные случаи встречаются не так часто.

— Означает ли это, что у вас существует законный брак?

— Что это такое?.. У нас существует любовь. Люди, полюбившие друг друга, заявляют о своей помолвке и

затем поселяются в доме, который выбирают себе для жизни.

— Если вы не знаете законного брака, у вас, вероятно, мужчины и женщины бросают друг друга по несколько раз в год.

— Что вы говорите! — с ужасом вскричала Глэдис. — Этого у нас никогда не бывает!..

— Как так, если у вас нет брака?

— Да, я припоминаю это понятие — «брак»... А в ваши времена, например, в Соединенных Штатах, мужья и жены разве не уходили, не разводились с десятком раз за жизнь?

— Что же связывает у вас мужчину с женщиной?

— Любовь! Нам рассказывают о любви еще в школе. В школах, на работе или на съездах молодежь знакомится между собой. Затем родители девушки или юноши берут влюбленную молодую пару к себе в дом. Там их влюбленность перерастает в вечную любовь. И тогда объявляют помолвку. А такого, как вы говорите, у нас нет.

Беседуя, мы добрались до больницы. Я попал в руки студентов медицины. Потом меня уложили спать. Оставляя меня, Глэдис напомнила, что вечером мне предстоит выступление в клубе им. Ч. Дарвина.

III

Я проснулся в шестом часу. В палате никого не было. Я сел в кровати. Чувствовал себя совершенно здоровым. Попытался встать на ноги. Стоял твердо, мог ходить. Но побоялся. Уселся в кресло и позвал санитаров. В палату вошло несколько ребят, весело мне улыбаясь.

— Собственно, где я? Это больница или что-то другое?

— Нет, не больница, это Медицинский институт.

— А вы?

— Мы изучаем медицину.

Я попросил их рассказать мне, как происходит учеба. Узнал, что после рабочих часов они занимаются в институте под руководством выдающихся медиков.

— Но, глядя на вашу здоровую нацию, мне не кажется, что у вас много работы, — заметил я.

— Наша обязанность, как врачей, следить за тем, чтобы люди не болели.

— Звучит странно... У нас доктора заботились в первую очередь о больных либо старались побороть страшные эпидемии. И много больных бывает у вас ежегодно?

— Обычно сто человек на миллион, — ответил один из студентов.

— Неужели? — воскликнул я. — Следовательно, у вас в действительности практически нет больных! Что же, наука так мощно шагнула вперед за последние восемьдесят лет? Ведь в мое время здоровых людей почти не было.

— Нет, медицина была не менее развита в ваше время, чем теперь, но обстоятельства жизни настолько изменились, что у врачей появилась возможность одолеть все болезни и сохранять народ в полном здравии.

— Да и доктора теперь не те, — вставил другой товарищ.

— В чем же разница?

— Мне приходилось просматривать газеты начала двадцатого столетия, где целые колонки были заполнены рекламой патентованных лекарств. Люди покупали лекарства, совершенно не разбираясь в характере своих болезней, и гробили свое здоровье! Еще я читал,

что тогда среди докторов было много бессовестных любителей наживы, которые, стараясь вытянуть из больных побольше денег, лечили, но не исцеляли...

— Какое преступление! — возмутились молодые медики.

— А как с этим у вас? Что заставляет вас становиться врачами, если вы не получаете за это никакой оплаты?

— Как? Что? — удивились они. — Быть врачом у нас — величайшая честь! Прежде всего, мы охраняем здоровье человечества. Мы армия, что уничтожает легионы болезней, оставленные нам в наследство предыдущими поколениями. Много болезней и их возбудителей, к примеру бациллы чахотки, уже стерты с лица земли. Мы следим, чтобы человечество было здоровым, мы учим его, как жить, что есть, как работать, как развлекаться.

— Но и мы этому учили! — запротестовал я.

— Верно, но в ваших условиях не все могли следовать предписаниям врачей. Скажем, больному туберкулезом рабочему советовали оставить работу и поехать на лечение куда-нибудь на юг. А у него несколько детей, жена, денег хватает лишь на самое нищенское существование. В таких случаях, как правило, советы докторов ничего не значили. В прошлом врачи не могли оказать помощь даже представителям более-менее обеспеченных классов. Те испытывали вечный страх лишиться своего положения, постоянно боролись за него, что порождало нервозность, укорачивавшую жизнь.

Теперь жизнь полностью изменилась. Люди едят вдоволь, пьют только полезные для здоровья напитки, достаточно спят, в домах придерживаются самых совершенных правил относительно чистоты и свежести воздуха... Санитарные условия замечательные.

Теперь я осознал все величие положения врачей.

Это были герои человечества! Я сказал, что очень хотел бы присоединиться к их группе. Молодые люди приветствовали мои слова радостными восклицаниями.

— Только не убеждайте товарища Пита, что весь мир держится на врачах, — вмешалась в беседу Глэдис. — Разве наши педагоги, художники, поэты, пахари, строители, механики и так далее достойны меньшей славы, чем последователи Эскулапа?

Все вынуждены были признать, что она права. Глэдис спросила, как я себя чувствую. Сказала, что мне пора начинать ходить. И вот после восьмидесяти лет в постели лежебока прошелся по комнате.

— А сейчас мы отправимся в клуб на доклад, — сказала докторша.

— А вы? — спросил я медиков.

— Мы будем слушать ваше выступление здесь, — ответили они.

— Так клуб расположен в этом же здании?

Мне пояснили, что клуб находится на другом конце города, где-то за островом Лулу; слушать же меня они собирались через мегалофоны, те же устройства, что использовались для «чтения газет».

— Ну, пойдёмте! — притронулась к моему плечу Глэдис.

Я думал, что мы спустимся вниз, но вместо этого мы вошли в лифт, который поднял нас на крышу института. Там, словно на каком-нибудь летном поле, стояло несколько десятков самолетов. Я еще никогда в жизни не летал.

— Кто же нас повезет? — спросил я Глэдис.

— А вы не умеете управлять самолетом?

— Нет.

— Тогда я буду пилотом.

Глэдис повернула рулевое колесо. Самолет двинулся вперед, скатился с крыши и, махая крыльями, как

птица, полетел над домами. Я не слышал ни малейшего тарахтения мотора, привычного в наших самолетах; у летательного аппарата не было также движущего пропеллера. Я стал искать глазами газолиновый мотор. Не нашел и наконец обратился к Глэдис.

— Наши машины движутся благодаря гелиократе*.

— Неужели вы добываете моторную силу прямо из солнца? Это должно дорого стоить.

— Товарищ! забудьте слово «стоять». У нас нет ничего «дорогостоящего», потому что наши машины производят все в огромном количестве. Не мерьте все, что видите, на ваши жалкие «деньги».

Солнце стояло над парком Стэнли, освещая своими лучистыми стрелами далекие снежные вершины острова Ванкувер. Под нами мелькали дома и улицы; повсюду видны были частные владения, окруженные красивыми садами и палисадниками. На восток, сколько хватал глаз, тянулись такие же зеленые сады. Там змеиными извилами блестела река Фрейзер, катя в океан, как и прежде, свои седые воды. Я прищурился, стараясь разглядеть Нью-Вестминстер.

— Где же он?

Глэдис показала рукой куда-то недалеко на восток.

— Я ничего там не вижу, кроме обыкновенных домов и садов, как и в Ванкувере. Да и Ванкувера на самом деле нет.

— Вы уже не увидите города вашей эпохи, разве что Нью-Йорк, Лондон и еще несколько интересных мест, признанных исторически ценными. Остальные города были перестроены.

— Что вы имеете в виду?

* Силе солнца (*Прим. авт.*).

— Все старые узкие улицы и высокие дома были снесены, а вместо них построили индивидуальные дома для каждой семьи. Мы хотим воздуха, свежего-свежего воздуха, аромата цветов и трав, простора!

— Я бы хотел посмотреть на прерию Сумас и Чилливак, венец Британской Колумбии.

— У нас достаточно времени до вашего выступления. Полетим туда, — сказала Глэдис и повернула колесо. Самолет взял немного вверх и понесся, как молния, над зелеными берегами могучей реки. Вокруг нас летала целая стая белых альбатросов, весело приветствуя нас своими криками. Вот по левую руку стекает с холмов в направлении Фрейзер река Пат. А эти холмики похожи на те, на которых стояла когда-то Мишен Джанктион. А вот и остров Никомен: узнаю его по дамбам у берегов и мосту в Дьюдни.

— Когда-то фермеры выращивали здесь много кур...

— Куры были выпущены на волю. Видите, вон они белеют в кустах.

— Вы яиц не едите?

— Фе!..

Мне пришлось снова перед ней извиниться.

На острове тоже стояли дома, имелись красивые улицы и тротуары, как в Ванкувере. Собственно, городов нигде не было. Самолет пронес нас к Каскадам, чьи зубчатые стены перегородили долину. Как и в мои времена, с гор катились серебряными дорожками пенистые потоки, а склоны были покрыты лесами.

— Смотрите, смотрите! — воскликнула Глэдис, указывая пальцем на один из пиков. — Какие милые козочки!

Я увидел пару беленьких горных коз, робко глядевших на наш самолет. Мы полетели дальше. На юге сияла горящими гранями гора Сусас, озаренная лучами садящегося солнца.

Посреди прерии Сумас перед моими глазами вдруг поднялся ряд огромных многоэтажных домов. Крыши были плоские, а на них стояли высокие, сплетенные из железа башни с какими-то причудливыми устройствами на верхушках. Возле домов летало несколько огромных грузовых самолетов. Видны были люди, занятые работами.

— Это наши фабрики, — пояснила Глэдис.

— Почему я не вижу никаких труб? Какую энергию вы используете, чтобы привести в движение ваши машины?

— Гелиократу... Как вы знаете, уголь, дрова или движение воды — это все воплощение солнечной энергии. Зачем нам сжигать красивые деревья, если мы можем напрямую получить ту же силу из солнечных лучей?

— Завтра у нас будет больше времени, и я покажу вам наши фабрики и склады, — добавила Глэдис. — Хотя сейчас там не так интересно, как зимой, когда работа на фабриках кипит.

— А что делают эти люди у самолетов?

— Забирают продукцию с главных складов района или разгружают сырье для обработки.

Самолет вновь понес нас над садами прерии Сумас. Кое-где чернели вспаханные поля.

— Что вы в основном здесь выращиваете? — спросил я у Глэдис после недолгого молчания.

— По преимуществу фрукты и овощи в хозяйствах, расположенных вдоль всего берега от Юкона до Сан-Франциско.

— Как далеко на северо-востоке живут люди?

— За Лилуэт-дистрикт уже нет никого. Хотя во время каникул мы любим посещать необитаемые горные районы, любим какое-то время пожить в обстановке минувших веков. Но вообще-то большая часть человечества живет на юге, а на зиму почти все туда улетают.

Только мы держимся нашего берега, поскольку зимы у нас мягкие, а еще потому, что на юге люди быстрее стареют.

Между тем, мы летели прямо на запад. Солнце уже скрылось за горы острова Ванкувер и увенчало их серебристыми ореолами. Море блестело, утопая в синем полумраке. Самолет спустился на крышу какого-то здания.

— Ну, мы приехали, вылезайте, — сказала Глэдис и как козочка выпрыгнула из машины. Я последовал за ней.

В эту минуту к крыше пристал огромный воздушный корабль с массой крыльев и винтов, и из него начали выходить люди, весело приветствуя нас возгласами и взмахами рук.

— Это съезжаются ваши слушатели. Видите, еще самолеты летят с юга и с севера?

Я увидел, что к нам приближается несколько десятков подобных воздушных великанов.

— Эти люди прибыли издалека?

— Сейчас спросим, — ответила Глэдис.

К нам подошла группа товарищей. По лицам я узнал в них японцев.

— Давно вы вылетели из Нагасаки? — спросила их Глэдис.

— Откуда? из Нагасаки? — воскликнул я в изумление. Я-то думал, что это потомки японцев, живших в мое время в Ванкувере.

— Сегодня утром... Вас это удивляет, товарищ? — обратилась ко мне легкая, как бабочка, полная жизни и юмора японочка. — Чтобы вас увидеть, сюда прилетят любопытные из других далеких мест — Мексики, Флориды, Гавайев...

Лифты спустили нас в просторный зал, в глубине которого висел потрет Чарльза Дарвина. Под ним рас-

полагалась трибуна. С трех сторон к ней подходили несметные ряды кресел.

— Как вам нравится наш зал? — спросил меня один пожилой седовласый товарищ (Глэдис представила его мне как доктора естествознания).

— Прекрасный зал, — ответил я. — Но знаете, что меня больше всего радует?

— Что?

— А то, что новейшие англосаксы теперь почитают старика Дарвина. В мое время он был больше знаком русским и немцам, чем своим соотечественникам.

— *Tempora mutantur, homini mutantur**, молодой человек!

— Простите! — вмешалась в разговор Глэдис. — Товарищ Пит определенно на несколько лет старше вас.

Все засмеялись. Зал наполнялся людьми. Здесь было все правление общества естествоиспытателей, которому принадлежал зал. Глэдис тоже входила в правление, а присутствующие слушатели являлись в основном членами общества.

Представители правления обратились ко мне:

— Просим, товарищ! мы ждем, что вы прочитаете нам захватывающий доклад.

— Но, дорогие друзья, — взмолился я, — я не лектор и никогда в жизни не выступал с трибуны.

— Это ничего... Уверены, у вас найдется несколько слов о вашей эпохе и о впечатлениях, которые вы почерпнули из знакомства с нашей жизнью.

— Позвольте совет? — сказала Глэдис. — Расскажите о ваших средствах передвижения, от телег до автомобилей, кораблей и так далее.

* *Времена меняются, меняются и люди (Прим. авт.).*

— Нет, я уже знаю, о чем буду говорить, — ответил я, уловив в голове какую-то идею.

— Товарищ! давайте по порядку. Все уже съехались.

К Глэдис подошла группа девушек со значками общества на груди; это были товарищи-распорядительницы. Глэдис взяла меня за руку и направилась к трибуне. Над трибуной висело какое-то устройство; докторша начала говорить, и ее голос выразительно раскатился по самым дальним уголкам огромного зала, вмещавшего по крайней мере пять-десять тысяч гостей. Глэдис предложила повестку дня собрания, а именно: гимн человечества, ужин, моя речь, опять пение, дружеские развлечения и в половине одиннадцатого — по домам и спать. Повестка была принята единогласно. Где-то наверху загремели звуки восхитительного органа и из тысяч уст полилась песня. Ничего подобного, я убежден, не слышали ни фараоны, ни завсегдатаи берлинской оперы. После пения распорядительницы выкатили столики, заставленные едой, и через минуту все общество занялось вкусным ужином. Девушки придвинулись ко мне со своими столиками и щебетали без умолку. Я поднял глаза и оглядел зал. Всюду шли сердечные разговоры, зал ровно шумел, как пчелиный рой. Мое сердце наполнилось смутным ощущением благодати, словно я после долгих лет разлуки снова очутился в хатке любимой мамы.

Ужин закончился, Глэдис представила меня собранию и я начал свою речь.

— Дорогие товарищи! Вы живете в том раю, о котором мечтало человечество прошлых тысячелетий, — говорил я. — Рожденные в новых условиях благополучия, в царстве разума и братства, вы, быть может, и не осознаете ту неизмеримую цену, которую заплатило человечество за ваше общественное устройство. Вы — словно дети разбогатевшего батрака. Прошлые по-

коления страдали, терпели, погибали, пока не подготовили почву для этого рая. Я счастлив, что вы его достигли, а еще больше радуюсь тому, что вы не остановились на месте, не удовлетворились определенными достижениями, но идете дальше и расширяете завоевания, начатые разумом тысячи и тысячи лет назад. Чтобы вы понимали отличие ваших условий жизни от наших, я приведу для вас несколько картин из прошлого.

И я начал рисовать эти образы:

— Далеко в Карпатских горах, где громоздятся по склонам столетние ели, в задымленной хатке, похожей на логовище зверя, родился ребенок. Родился под проклятия отца — ведь в хате появился лишний рот. Мать затыкала рот новорожденному куском хлеба, а сама должна была идти на работу, на барщину... Но все же ребенок вырос. Пас гусей, потом телят, потом скотину в лесу; немного ходил в школу, затем попал на то же господское поле, что отняло жизнь у его отца. Летом тяжелейший труд, зимой голод и холод были постоянными спутниками Петруся... Говорили, что едва стукнет ему двадцать лет, заберут его в армию...

Как птицы перед наступающей зимой улетают на юг, бежали парни из своего карпатского плена в далекую, неведомую им Канаду. Убежал и Петрусь.... И вот он в Квебеке, блуждает по улицам, никому не известный, никому не нужный, без знания языка, без гроша в кармане... И начались его страдания в этой свободной стране... голод, непосильный труд и муки, муки без конца... Страх за существование гнал его все дальше и дальше на далекий Запад. Там он взялся за науки, пытаясь хоть так себя спасти. Но и науки давались нелегко. Приходилось кровавым потом зарабатывать летом, чтобы учиться зимой. Никто не помогал, никто не сочувствовал, никто не приходил с словом утешения. Те,

что уже взобрались повыше, видели в нем лишнего конкурента, а другие, из лагеря рабов-наймитов, завидовали и ненавидели.

И сейчас тот же Петрусь снова очутился в той же Канаде... Но какая перемена! Его приветствуют, кормят, за ним ухаживают, его лечат, и не потому, что он что-то из себя представляет... нет, только потому, что он человек и попал к людям, к людям новой высшей эпохи — эпохи коллективизма.

Понимаете ли вы теперь, дорогие мои, разницу между вашими и моими временами? — так закончил я свою речь.

На глазах этих добрых созданий блестели слезы. Они засыпали меня сочувственными возгласами.

— Вашу речь слушал весь мир, — сказала мне Глэдис и показала на устройства в стене возле кафедры.

Потом начались развлечения. Заключались они в том, что несколько актеров выступили с пением, несколько поэтов и поэтесс продекламировали свои новые стихи, всемирно известный композитор сыграл специально написанный им для этого вечера этюд; один ученый-биолог предложил маленький доклад о своем изобретении, позволяющем продлить жизнь до двухсот пятидесяти лет; снова последовало хоровое пение и наконец, после десяти, гости начали разлетаться во свояси. Жившие поближе забрали к себе прибывших издалека; меня и нескольких гостей из Флориды Глэдис пригласила в свой дом.

IV

Я проснулся в семь утра. Слышал движение в доме: ходили, болтали, смеялись.

«Видимо, гости из Флориды давно проснулись. Может быть, готовятся к отъезду. Надо пойти попрощаться с ними», — и я стал одеваться.

— Товарищ Пит, вы уже встаете? — спросила Глэдис из-за двери.

Я ответил, что уже поднялся, и вышел в коридор. В окна врывались розовые лучи утра. Глэдис указала мне дверь в ванную комнату. Там было несколько товарищей из Флориды. Они купались, делали друг другу массаж, брились и занимались гимнастикой. Приняли и меня в свой круг. Глянув на себя в зеркало, я с удивлением отметил, что уже не выгляжу той пожелтевшей египетской мумией, какой был вчера. Новые товарищи посмеялись над тем, как внимательно я себя разглядывал, и заверили, что через несколько дней я стану таким же здоровым и крепким, как они.

Когда мы закончили свой туалет и вышли из купальни, я спросил:

— Вы сейчас уезжаете домой?

— Нет.

— Тогда почему вы так рано встали?

— В семь мы все обычно уже на ногах. Знаете, как говорится: «Кто рано встает, тому бог подает».

— Оно и правда. Но в мое время рабочие и фермеры вставали в пять и мало что с этого имели, — заметил я.

— Потому что они не работали на себя, — ответил один из флоридцев.

Глэдис позвала нас завтракать.

Ее дом был обставлен не хуже жилища Ласси, однако чувствовалось присутствие врача: на бюро в гостиной стоял, оскалив зубы, человеческий череп, в углу находился шкаф с блестящими медицинскими инструментами, на стене большая картина, изображающая девушку с лучезарным, как солнце, щитом; за ней ук-

рывалось человечество, а от светлых лучей ее щита разбегались во все стороны черные силы болезней. Стены были украшены и венками из пшеницы. Сидя за столом, я спросил о них Глэдис.

— Это мой отец... Он влюблен в зерно.

— Я бы хотел с ним познакомиться, — сказал я.

— Он сейчас на севе в прериях в качестве главного агронома северо-западного земледельческого района... Но мы надеемся, что не сегодня-завтра земледельцы прилетят домой.

После завтрака флоридцы куда-то телефонировали, спрашивали Глэдис о каких-то «рабочих крыльях» и потом гурьбой поднялись на крышу дома, говоря, что улетают на работу. Глэдис также нарядилась во что-то подобное бывшим комбинезонам и походила теперь на розового младенца. Она тоже готовилась к работе.

Я не мог оставаться трутнем среди этих трудолюбивых пчелок. Сказал, что тоже хочу что-нибудь делать.

— Вы еще на положении больного, — ответила мне Глэдис.

— Какой же я больной? Если я не способен выполнять тяжелую работу, поручите мне что-нибудь детское.

— Мы летим на склады разгружать ящики с апельсинами, которые мы вчера привезли с собой, — сказали флоридцы. — Летим с нами!

— Хорошо, — согласилась Глэдис. — А после работы я покажу Питу наши фабрики и склады.

Я думал, что мы снова полетим на самолетах, но на крыше увидел, что мои товарищи вынесли из расположенной здесь же будки какие-то устройства, похожие на крылья, и прицепили их друг другу на спины. Эти крылья были сработаны наподобие крыльев майских жуков: одна пара оставалась неподвижна и поддерживала летунов в воздухе, а другая, подвижная, обеспечивала полет. Мотор устанавливался у летуна на

спине и закреплялся ремнями, пропущенными под мышцы.

— А почему вы не летите на обычных самолетах? — спросил я, когда и на меня надели крылья.

— Самолеты слишком большие, и когда на работу съезжаются несколько тысяч человек, их негде поставить.

Мне показали, как приводить крылья в движение и направлять полет вверх и вниз. Шестеро флоридцев и Глэдис взлетели с крыши, как сказочные ангелы. Мне было боязно. Они кричали, чтобы я летел за ними. Тогда я нажал пуговку, крылья задвигались и понесли меня вверх. Глэдис помчалась за мной, стараясь на лету обучить меня управлению ими. Наконец я выровнял лет. Через несколько минут мы были уже на крыше фруктового склада в прерии Сумас.

В направлении бывшей границы Соединенных Штатов тянулась шеренга многоэтажных зданий, над крышами которых висели в воздухе огромные грузовые корабли-самолеты. Как рой птиц, со всех концов долины Фрейзер трудовой люд слетался на работу. Приземляясь на крышах, работники весело здоровались друг с другом, сбрасывали крылья и затем, как солдаты, занимали места в своих отделениях.

Еще вчера мне казалось, что этот народ не знает никакого порядка. Но сейчас я увидел, что у них царит такая дисциплина, до которой моим временам было далеко. Услышал, как стали называть имена кандидатов.

— Пусть нашим форманом (бригадиром) будет товарищ такой-то, — слышалось в отделениях.

Минуты через три во всех отделениях были выбраны форманы. Они выступили вперед и коротко посоветовались между собой, после чего каждый отдал приказ своему отделению. В этот момент на башне как

раз пробило восемь часов. Форманы развели своих людей по рабочим местам. Мое отделение, состоявшее из сотни мужчин и женщин, начало разгружать флоридский самолет с апельсинами.

Как работающие муравьи, люди вытаскивали ящики с апельсинами, подцепляли их крючьями и спускали на лифтах в глубину склада. Мне досталась самая легкая работа: подсчитывать, сколько ящиков спустили вниз. По прошествии часа форманы подали знак, и все остановились.

— Отдых пять минут.

Глэдис подбежала ко мне:

— Как вам, товарищ?

— Плохо, — ответил я.

— Почему?

— Вы работаете, а я ничего не делаю.

— Но и ваша работа нужна.

— К чему эти подсчеты?

— Чтобы избежать анархии в нашей жизни. Все наше общество держится на цифрах. Мы должны учитывать количество существующего в мире продукта, если хотим оставаться обеспеченными, — объяснила Глэдис.

Пятиминутный перерыв прошел и снова началась работа, быстрая, веселая, приятная. Около десяти часов я снова увидел стайки людей, летевшие со всех сторон к складам.

— Смена... — пояснил мне сосед из Флориды.

Как и мы, новоприбывшие разделились на отделения и выбрали старших. И, когда наша смена закончилась, стали на наше место.

Наши форманы раздали нам карточки — свидетельства выполненной работы.

— И что я могу получить за эту карточку?

— Все, что вам нужно, — сказала Глэдис.

— Даже дом?

— И дом...

Работники из первой смены разлетелись по домам. Флоридские товарищи должны были после разгрузки их самолета отправиться за грузом в Японию. Глэдис повела меня осматривать склады и фабрики.

Мы спустились на лифте в помещения с овощами и фруктами. Они были устроены, как давние склады-рефрижераторы, только эти были куда больше и с более совершенными установками, поддерживавшими такую температуру, при которой фермерский продукт не портился.

Глэдис взяла одно яблоко и подала мне:

— Эти яблоки хранятся здесь почти пять лет.

Я попробовал яблоко и удивился: могло показаться, что его только что сорвали с дерева.

— Зачем вы держите их так долго? — спросил я ее.

— Мы храним десятилетний запас всего, что требуется нашему району, — ответила Глэдис. — Это дает нам возможность на несколько месяцев в году устраивать себе каникулы. Кроме того, это наша гарантия на случай неурожая или какого-либо иного бедствия.

Мы осмотрели и другие склады — с тканями, одеждой, мебелью, инструментами, станками и прочим. Бросалось в глаза то, что все эти изделия были сработаны на совесть, по-хозяйски, не то что хлам моих времен — не успеешь купить, а вещь уже разваливается и портится.

— Мы работаем только для себя, — сказала на это Глэдис.

Склады были огромные и обслуживали целый район от бывшего Портленда до Аляски. Чтобы обойти их все, понадобились бы недели две.

Мы перешли в соседние здания, где размещались фабричные машины. Там царил тишина. Рабочих не

было. Глэдис сказала, что хватает и двух зимних месяцев, чтобы заполнить склады всем необходимым.

Но какое громадное помещение! Мне приходилось в свое время работать на фабриках Онтарио. Там была грязь, нехватка чистого воздуха, колеса и ремни вечно были готовы покалечить или отнять жизнь. А здесь — просто красота! Фабричные цеха большие, высокие, полно света, чистый воздух.

Все приводы и опасные колеса были убраны под потолок, а все, что могло покалечить рабочих внизу, было зашито в футляры и безопасности ради окружено ограждениями.

Сами машины удивили меня своей мощностью. Рядом с гигантскими колесами-маховиками, всевозможными тягами и шатунами я чувствовал себя кроликом рядом со слоном.

— Какая сила! какая силища! — восклицал я, переходя от одного станка к другому. — Теперь я понимаю ваши слова относительно новых условий труда.

— Да, это сила, — отозвалась Глэдис, кладя руку на ближайшее колесо. — И эта сила сделала человечество свободным! Взгляните, Пит, какой длинный путь прошли мы, люди.

Где-то триста тысяч лет назад на ветвях тропических деревьев прятались жалкие обезьяны. Они даже не осмеливались спуститься на землю, потому что земля принадлежала страшным, свирепым хищникам.

А вот начинается ледниковый период. Вьюги гуляют по всему северному полушарию. Тропический лес замерзает. Мамонты гибнут, и ветер громоздит над ними белые снежные надгробия... А человек? Вот он ищет убежища в пещере. Но эту пещеру облюбовал для себя кровожадный медведь. Медведь разинул пасть и идет на человека, встав на задние лапы и собираясь сожрать нашего предка. Тот в страхе хватается в руки ка-

мень. Завязывается бой, и медведь с раскроенной головой падает под ноги человека. Медвежья пещера становится первым домом человека, медвежья шкура — одеждой, медвежье мясо — едой. Бывшее доброе создание, когда-то питавшееся плодами деревьев, теперь хищным зверем бродит по заснеженным лесам в поисках кровавой добычи. В его руках каменный топор: человек намерен завоевать весь мир.

И долго, долго тянулась эта борьба. Сколько мучений, сколько труда, слез и крови! Боролись с холодом и жарой, с голодом и болезнями, со всяческими зверями. Стали бороться и друг с другом, пожирали один другого и завоевывали мир. И, силясь сохранить завоеванное, обрекали друг друга на неволю, придумали рабство, крепостничество, батрачество. Но от отца к сыну переходила сказка о том, что наступит время, когда прекратятся все мучения, перестанут литься слезы и кровь, природа подчинится человеку и настанет «рай» благополучия, братства, согласия... И вот он, этот рай, пришел. Пришел не благодаря мечтаниям пророков и мессий, но благодаря этим машинам! — и она ударила своей красивой ручкой по блестящей поверхности маховика.

— Видите, вот она, сила человечества, собранная из всех прошлых тысячелетий. В основе ее лежит топор пещерного человека; в ней — страдания рабов, крепостных и пролетариев, в ней мысли миллионов голов! Это наследие прошлого. Пока стоят эти машины, готовые в любую минуту начать работать по приказу нашего разума, природа есть и будет нашей покорной службой!

Я слушал Глэдис в восхищении. Какое замечательное соединение ума, силы и красоты!

— Я понимаю! — вскричал я. — Вместо разделения на классы и принуждения одного класса к работе, че-

ловечество заменило этими железными рабами батраков, и все стали властелинами мира.

— Теперь осуществилась та демократия, о которой так много говорили в ваше время, — добавила Глэдис.

С глубоким уважением смотрел я сейчас на этих железных великанов: они казались мне богами, творцами жизни.

V

Мы не стали осматривать все фабрики, так как все равно не успели бы сделать это за один день. Был уже двенадцатый час. Мы с Глэдис надели крылья и полетели к ней домой обедать.

Садясь за стол, я был несказанно счастлив: сегодня я ел хлеб, заработанный своими руками.

Но я все еще словно пребывал в темноте, и многое было мне непонятно.

— Я не понимаю, кто управляет вами и всеми работами, — сказал я Глэдис. — Есть ли у вас постоянный парламент и правительство?

— Такого правительства, как было у вас, у нас нет.

— А как же с работами, с правами?

Глэдис поставила передо мной кружку со сладким напитком.

— Наши главные права были установлены сразу после социальной революции; с тех пор к ним мало что добавили или отменили. Но эти права касаются основных экономических взаимоотношений и индустрии стран всего мира, а также общего правила «Кто не работает, тот не ест»...

— Но вы ведь не ангелы, между вами должны возникать недоразумения, хотя бы между соседями. Кто

тогда выступает судьей?

— Подобные мелочи, как и в целом экономические вопросы каждой «улицы», мы решаем на местном собрании. Экономические вопросы «города» — на городском собрании. Далее имеется собрание района. К примеру, вся Северная Америка разделена на сто районов. А весь мир подразделяется на пять «континентов» вместе с островами. На каждом уровне, от «улицы» до всего «мира», у нас действуют выборные комитеты: уличные, городские, районные, континентальные и, наконец, всемирный комитет.

— Наверное, члены всемирного комитета строят из себя таких фараонов, что цари прошлого им и в подметки не годятся!

— Товарищ! — вскричала Глэдис. — Что вы такое говорите? Эти комитеты — только символы общего порядка. Нами руководит статистика...

— Что? — перебил я.

— Статистика... расчет. Наши любители статистики оповещают весь мир об экономическом положении на земном шаре, указывают, в чем и какой ощущается недостаток, следят за тем, чтобы все были довольны и заранее обеспечены. Мы все понимаем необходимость приспособливаться в своей работе и жизни к требованиям статистики. От нее зависит, сколько мы трудимся на главных работах, то есть на фабриках и в поле.

— А кто управляет такими работами, как, например, сегодняшние?

— «Уличные» и «городские» комитеты ежевечерне составляют расписание работ на следующий день; они решают, сколько работников и с какой «улицы» либо «города» должны заниматься тем-то и тем-то и сколько часов они должны работать. С утра каждый может узнать из газеты, куда он назначен на работу... Порядок и благополучие, которые вы у нас видите, за-

висят не от состава правительств, а от системы экономического устройства и воспитания нашего населения. Школа вкладывает в ребенка знание всех гражданских прав, обязанностей и обычаев нашего общества, и поэтому мы не нуждаемся в «сильном» правительстве, как было когда-то.

Разговаривая таким образом, мы услышали какой-то шум на крыше и минуту спустя на домашнем лифте в комнату спустился престарелый человек, коренастый, как медведь, с красноватым от загара лицом, седыми усами и чубом.

— Папа! — воскликнула Глэдис и повисла у вошедшего на шее, осыпая его поцелуями.

— Почему ты не сообщил, когда приедешь? — спрашивала девушка.

— Хотел устроить тебе сюрприз... Как поживаете, товарищ Пит? — приветствовал он меня.

— Товарищ, это мой папа, Эшлей Колман.

Я был очень рад видеть отца Глэдис — она рассказывала мне о нем много интересного. Держался он как заправский хозяин-фермер.

Дочь усадила отца за стол, взяла у него рабочую карточку и заказала для него обед, все время щебеча обо мне, о моем выступлении, о соседских делах и так далее.

Старик обратился ко мне:

— Я слышал вашу речь по телефону и видел ваш портрет. Мне очень приятно с вами познакомиться...

Я спросил его, как прошла посевная.

— Прекрасно! — и в глазах старика зажегся ласковый огонек. — Прекрасно! Как хорошо там сейчас, в наших прериях! Бескрайние степи, синее небо, ясное солнышко и песни жаворонков и скворцов. А ветер из Монтаны — такой благоуханный, напоенный жизнью! И всюду по полям, на всем этом необозримом простран-

стве с утра до ночи пахут, боронят и сеют наши машины. Этой весной под моим началом состояло полтора миллиона самых мощных тракторов. Теперь просторы Альберты, Саскачевана, Манитобы и Дакоты покрылись молоденькими всходами яровых.

— А что с засухой и заморозками? — поинтересовался я, вспоминая, каким бедствием для фермерского труда были эти явления природы в мое время.

— Засухи мы не боимся, так как везде имеется приготовленная для полива вода. Заморозков мы избегаем благодаря тому, что частенько успеваем рано закончить сев. Бывают заморозки в начале августа, но на этот случай у нас есть «фумогены», устройства вроде тех, какие немцы когда-то применяли на своих цеппелинах для создания дымовой завесы. Если ночью ожидают заморозки, мы пускаем дым по всему краю и тем самым сохраняем нашу пшеницу.

Мы долго сидели за столом, слушая рассказы отца Глэдис о гигантском прогрессе в сельском хозяйстве. Что удивительно — почти все методы были разработаны учеными еще в мое время, однако за неимением капитала фермеры не могли их применить. Сегодня, когда нет частной собственности на средства производства и все человечество участвует в земледелии, все они внедрены в жизнь.

— В этом году мы завершили установку солнц над полями, — продолжал свой рассказ отец Глэдис.

— Что? — воскликнул я.

— Искусственные солнца, — ответил тот. — Это такие огромные фонари, которые зажигаются в ночи над нивами. Они двигаются с востока на запад и ночью выполняют работу солнца; благодаря им посевы созревают в два раза быстрее. Поэтому я надеюсь, что жатву нынешнего года мы завершим где-то в конце июля.

— А эти «солнца» греют? — с интересом спросил я.

— Что касается обогрева для лучшего роста растений, то мы пускаем по полям беспроводное электричество. Ниагарский водопад и водопады поменьше, как на реке Виннипег, дают нам необходимую энергию и без гелиократы. Установка солнц заняла немало времени, но отныне нестабильный климат Саскачевана и Альберты нами преодолен.

После обеда я расположился в библиотеке, чтобы не мешать Глэдис и ее отцу в их личной беседе.

Там я стал просматривать «книги». Одна из них меня заинтересовала. На ней была надпись: «История социальной революции». Я вложил валик в библиофон, уселся в кресло и начал слушать рассказ об истории тех десятилетий, когда я лежал ледяным комом, ничего не зная о событиях в мире.

Книга поведала мне, что до социальной революции в Америке, а главным образом в Новой Англии, произошло несколько восстаний по причине голода и безработицы. Членам I. W. W.* удалось даже захватить в свои руки власть в Соединенных Штатах. Но хотя захватить власть они сумели, удержать ее не смогли. С тех пор началась анархия, разбой, убийства. Полный хаос привел к страшному голоду в городах. Разъяренные неудачами индустриалисты начали преследовать даже интеллигенцию. А тех социалистов, которые говорили, что рабочий класс составляет меньшинство населения и что революцию осуществят фермеры с Запада и недоразвитая Мексика, преследовали еще более рьяно, чем капиталистов.

* «Индустриальные рабочие мира», международный профсоюз, созданный в 1905 г. в Чикаго и особенно влиятельный в 1910-х гг.; членов его автор ниже называет «индустриалистами» (*Прим. перев.*).

Но случилось так, как и пророчествовали социалисты. Измученные анархией и голодом обитатели Новой Англии радостно приветствовали Джона Рузвельта, когда тот во главе ковбоев из Техаса и мексиканцев вступил в Нью-Йорк. Мексиканцы устроили индустриалистам кровавую баню, а внук Рокфеллера справил на Пятой авеню богослужение «в благодарность за освобождение от вандалов».

После этого разгрома американские профсоюзы обратили свое внимание на учение социалистов, осознав, что революции «делать» нельзя, что революции происходят сами в результате перемен в экономических основах человеческой жизни. В американском рабочем движении начали понимать, что движение это представляет собой только силу, но не имеет достаточной хозяйственной практики, чтобы суметь управлять отобранным наследием капитализма. Тогда рабочие занялись наукой, стараясь подготовить как можно большее число представителей собственной интеллигенции. Они не заставили себя долго ждать, и через пять лет рабочее движение располагало тысячами интеллигентных пролетариев.

Американская буржуазная интеллигенция, эти «посредники», начала больше считаться с растущей сознательностью рабочих. Многие буржуазные интеллигенты присоединились к социалистической партии.

Тем временем снова началась большая безработица... Но теперь сознательный американский пролетарий встретил лихолетье во всеоружии.

Как только заговорили о наступающей беде, социалистическая партия опубликовала воззвание под заголовком: «Будем готовы!» Когда владельцы захотели закрыть фабрики, рабочие отказались покинуть цеха. В полдень того же дня стало известно об отставке правительства в Вашингтоне, и президент созвал социали-

стический кабинет. Новое правительство призвало городские советы позаботиться о том, чтобы по всей Америке не было недостатка еды, одежды и жилья. Неделю спустя собрался учредительный совет.

Сторонники частной собственности, подстрекаемые и подкупленные американскими миллионерами, попытались вновь создать обстановку анархии и свести революцию на нет. Этого им сделать не удалось. Большая часть американского народа (наемные рабочие и арендаторы ферм) отказалась пойти за ними. А учредительный совет, стремясь покончить с влиянием частной собственности, упразднил деньги и передал в собственность народа всю страну — с людьми, домами, машинами, фабриками, землей и водой. Всех мобилизовали на работу, и через месяц старая Америка стала напоминать вымышленное царство Эльдорадо.

За Америкой последовала Канада и, одна за другой, прочие страны мира. Государства также были упразднены, как и разделение на классы и нации, и мир превратился в единую полуторамиллиардную семью свободных, равноправных и экономически равных людей.

Я сидел в кресле, раздумывая над тем, что услышал, когда вдруг почувствовал чью-то руку на своем плече. Обернулся. За моей спиной стояла с веселой улыбкой Глэдис. Ее лицо снова напомнило мне мою несчастливую любовь.

Знакомство с историей, а теперь и лицо Глэдис сразу навевали мне воспоминания о прошлом. Казалось, что только позавчера Бесси выбрала другого, что я не выдержу безнадежного отчаяния...

Я свесил голову.

— Что с вами? — спросила девушка.

— Ничего... видения ушедшего...

— Идите сюда... — сказала она и повела меня в гос-

тиную, к бюро, на котором стояла мертвая человеческая голова: желтая кость, неприятная усмешка челюстей и ряд запломбированных зубов.

— Чей он? — спросил я.

— На этой основе держалось когда-то лицо, что до сих пор причиняет боль вашему сердцу.

— Бесси! — вскрикнул я, схватив в руки череп.

— Да, это череп Бесси, — тихо отозвалась Глэдис.

Я посмотрел на нее.

— Я нарочно извлекла из могилы эту мертвую голову моей бабушки и хранила ее здесь, чтобы показать вам.

— Спасибо! Теперь я сознаю, что ее нет... Так вот что я любил, — и я поставил череп обратно.

— Не это вы любили, — ответила Глэдис. — Вы любили жизнь, а кости это только, так сказать, железный каркас, на котором держатся стены дома.

— Это меня мало утешает... Если я и любил в ней жизнь, ее уже давно нет, все сгнило и пропало.

— Вот как? а еще студент медицины! Разве жизнь гибнет? Не являетесь ли вы продолжением миллионов своих прадедов из прошлого? Что эти кости? Не более чем раковина, где когда-то сидела улитка. Эти известковые скорлупы остаются пустыми, а жизнь продолжается в следующих поколениях.

— Значит, Бесси живет в вас? — воскликнул я, глядя на Глэдис.

— Живет, — ответила она.

Я посмотрел на нее; грусть наполнила мое сердце. Я быстро вышел из библиотеки и упал на диван.

Лица Бесси и Глэдис сливались в моем воображении... Зачем меня вернули к жизни? Чтобы я снова страдал?

А Глэдис словно не понимала или притворялась, будто не понимает, что со мной творится. Войдя в каби-

нет, она спросила:

— Что вы собираетесь делать после обеда?

— Первым делом, посоветуйте мне, как быть с жильем.

— Вы можете жить у нас, — перебила она меня.

Нет! Я не хотел.

Глэдис стала убеждать меня остаться у них. И когда увидела, что все ее уговоры напрасны, сказала:

— Хорошо. Папа отведет вас на заседание «уличного комитета».

Ее отец отдыхал после долгого путешествия на самолете из прерий. Когда он встал, Глэдис сообщила ему о моем желании найти жилье, и старик тотчас согласился сопроводить меня в комитет. Я красноречиво поблагодарил докторшу за всю ее доброту, но заметил, что в отношении возвращения к жизни предпочел бы вовсе не воскресать...

В ответ она только взглянула мне в глаза таким печальным взором, словно хотела сказать: «Зачем ты меня мучаешь?» и вслух добавила:

— Надеюсь, что вы, Пит, не забудете дорогу к нашему дому.

Конечно же, я обещал заходить. Но для себя решил спрятаться где-нибудь так, чтобы больше с ней не встречаться. У двери, где мы прощались, стояло большое зеркало, отражавшее ее красоту и мою жалкую фигуру.

«Нет, ты не сделаешь из меня игрушку, как твоя бабушка Бесси», — думал я, направляясь с ее отцом в комитет.

Комитет находился в нескольких кварталах от дома Глэдис. Там мы встретили трех старших товарищей.

Отец Глэдис рассказал им, что я желал бы найти жилье и работу.

Меня спросили, где поставить мне дом и какие у меня на этот счет предпочтения. Я о собственном доме

еще не мечтал.

— Пока что вы можете жить в любом клубе нашей молодежи.

Как я узнал, многие неженатые юноши и парни любили жить в общежитиях при домах, где находились клубы их товариществ.

Я попросил указать мне клуб студентов медицины.

В клубе жили две сотни молодых людей. Каждый имел отдельную комнату; очень близкие друзья жили вместе. Спальни располагались наверху, а внизу были научные залы, библиотека, химическая лаборатория, зал для физических упражнений и бассейн для купания.

До клуба я добрался уже самостоятельно. Когда вошел внутрь, ребята поприветствовали меня радостными восклицаниями и своими студенческими песнями и шутками. Молодежь как молодежь! Через несколько минут у меня уже появился закадычный друг; звался он Джоб Веригин. Он был потомком одного из давних руководителей духоборов. Лицо и атлетическая осанка выдавали его происхождение, но его канадский английский был безупречен. Позднее я узнал, что он хорошо знал и русский язык, традиционно использовавшийся в его семье, как и среди других потомков духоборов, навсегда оставшихся жить в Канаде.

Джоб показал мне лабораторию и рассказал о своих биологических опытах.

В лаборатории мы так увлеклись микроскопами, что и не заметили, как стемнело.

После ужина студенты занялись домашними заданиями. Затем, по их приглашению, явился один старый и знаменитый врач; прослушали его лекцию. В одиннадцать пошли спать. Мы с Джобом условились жить в его комнате.

Лежа в постели, я вспомнил Глэдис и череп Бес-

си. Теперь я ясно понимал, что «та» беда случилась давным-давно.

— Мудрая девушка! Не покажи она мне эти кости, я все представлял бы себе, что меня заморозили всего на одну ночь, и скучал бы по Бесси. Да, это было давным-давно. Долой прошлое, надо начать новую жизнь!..

С такими мыслями я уснул.

VI

Прошло несколько дней. Я уже привык к своему новому быту. Работал, учился, развлекался, как и все. Старшие товарищи-доктора следили за моим здоровьем. Я чувствовал себя окрепшим и готов был хоть с медведем сразиться. Летал с новыми друзьями на пикник в бывший Сан-Франциско и осматривал этот ныне заброшенный людьми город. Вместе с Джобом совершил экскурсию на остров Грейм для сбора ботанических образцов тамошней флоры. Глэдис несколько раз осведомлялась по телефону о моем самочувствии. Я отвечал вежливо, но держался от нее подальше. Джоб и остальные взрослые парни, между прочим, были все влюблены, и время от времени тот или иной получал от общины дом и уходил «жить собственным хозяйством».

На пятый день моей жизни в клубе, когда я, как обычно, проснулся в семь часов и стал будить Джоба, чтобы идти на работу, тот заявил, что сегодня «седьмой день».

— Воскресенье? — спросил я.

— Сегодня не работаем, — ответил он.

После завтрака я спросил Джоба:

— Если вы делаете исключение для «седьмого дня», то, вероятно, исповедуете какую-то религию? К какой

церкви ты принадлежишь?

— Таких церквей, как были в твоё время, теперь на свете нет.

Я заинтересовался.

Вот что рассказал мне Джоб:

— Ты знаешь, что религиозные взгляды людей менялись со сменой экономических и общественных отношений. Католицизм был верой феодализма, всевозможные протестантские церкви — проявлением капитализма. В те времена, на определенной стадии развития общества, они были «исторически нужны». Католицизм запятнал разум человечества черным пятном — черным, как само крепостничество. Протестантизм был кривобокой церковной демократией и такой же кривобокой демократией являлся капитализм в целом.

Католицизм рухнул вскоре после великой европейской войны. Итальянцы сами изгнали римского папу. Тогда он бежал в единственную еще оставшуюся католическую страну — Канаду. Но папа без Рима ничего не значил. И последний папа кончил свою жизнь в сумасшедшем доме под Торонто. Он спятил, решив, что Бог-Отец и Бог-Сын умерли, и провозгласил себя богом.

А протестанты продержались до самой социальной революции. Из-за того, что многие из протестантских проповедников приняли деятельное участие в революции на стороне пролетариата, их церковные организации пережили эту социальную бурю.

Но свободная школа, основанная на дарвинизме, марксизме и так далее, свергла и протестантизм. Еврейская Библия потеряла свою гипнотизирующую силу «божественной» книги, ее стали изучать только как сборник семитской мудрости; то же случилось и с христианскими евангелиями. Учение Иисуса из Назарета очистили от мистицизма и чудес и ныне видят в нем

лишь пылкую проповедь братства и любви.

— Ну, а вера в Бога?

— Под «богом» мы сегодня понимаем сконденсированную идею всех наших стремлений.

— Молитесь ли вы ему? Строите ли церкви?

— Нет! Мы в этом случае придерживаемся Иисуса и Аверроэса. Если «Бог» действительно существует, он не нуждается в возведенных людьми храмах, ведь самым чудесным его храмом является весь мир. «Бог» не нуждается и в наших молитвах: как сказал Иисус, «Бог» узнает, что нам нужно, еще до того, как мы к нему обращаемся. Новейшая наука подтвердила мнение средневекового араба Аверроэса — «Бог» в жизнь человеческую не вмешивается, мы часть природы и все, что происходит с нами и что делаем мы, зависит от общего мирового развития. Итак, как и Аверроэс, мы познаем природу, чтобы следовать ее законам, и это дарует нам благополучие и счастье. Мы боимся «согрешить» перед природой.

— То есть? — переспросил я Джоба.

— Грех — это причинение телесного, морального либо материального вреда себе, другому человеку или обществу. Поэтому у нас нет зол вашего времени: нет пьянства, курения, проституции, злобы, издевательства, нареканий, обольщения, унижения, осмеяния, не говоря уже о таких невозможных у нас вещах, как драка, убийство, насилие или изнасилование.

— Но если у вас в действительности нет религии, зачем вам делать «седьмой день» выходным?

— Прежде всего, это делается по традиции. Во-вторых, это еще и полезно. Мы нуждаемся в том, чтобы раз в семь дней оставить все наши мысли о хозяйстве и науках и отдохнуть телом и разумом. Седьмой день посвящен у нас философии. И это философическое начало и является нашей «религией». Под «религией»

мы понимаем весь объем личных и общественных моральных обязательств человека относительно себя и общества.

— И такой мысли придерживаются у вас все?

— В целом да. Но у нас есть клубы таких философов, которые упорно стараются обнаружить в мире нечто «сверхъестественное». Они похожи на тех чудаков, что в твоё время искали средства для общения с жителями Марса. Впрочем, они никому не мешают... Хочешь пойти послушать лектора в обществе им. Мельхицедека? — окончил Джоб.

— Любопытно!.. — улыбнулся я.

— Чего улыбаешься? — спросил Джоб.

— Да зачем вам это собрание, если у вас нет веры...

— Вот же заморочил себе голову этой верой... Вместо веры у нас знания. А в философских собраниях мы нуждаемся, поскольку выступления наших руководителей укрепляют в народе силу общественного единства, понимание братства и наших общественных устоев.

Я вынужден был признать правоту Джоба.

Выступление лектора в обществе им. Мельхицедека произвело на меня огромное впечатление. Он говорил на тему: «Один за всех и все за одного».

С собрания мы возвращались пешком. Солнце уже ощутимо припекало. Девушки цвели, как маки. Мы пригласили их всех к себе в клуб на обед, а потом мило забавлялись музыкой, пением, декламациями и тому подобным.

Вечерняя газета принесла тревожные вести: снег в горах таял с неслыханной быстротой; река Фрейзер поднялась так высоко, что любая волна могла прорвать дамбы и затопить некоторые местности к востоку от Нью-Вестминстера. Газета призывала быть готовыми к борьбе с наводнением.

В десять вечера тревогу подхватили телефонные звонки. Была передана команда «уличных», «городских» и «районного» комитетов отправляться на помощь островам на реке Фрейзер, где вода уже прорвала дамбы.

Все засуетились. Ребята кричали так, словно готовились к штурму вражеских окопов. Через минуту крылья понесли нас в направлении островов. Вокруг было светло, как днем. Огромные прожекторы освещали всю долину до самых Каскадов. В воздух поднялись наши грузовые великаны, неся в своих «когтях» необходимые машины или грузы цемента и камня.

Когда я увидел бурные, покрытые седыми ключьями пены волны реки, с неостановимой силой катившие к океану безмерность воды, сердце мое задрожало.

— Как мы можем сдержать эту стихию? — крикнул я Джобу, летевшему рядом.

— Сдержим! — крикнул он в ответ.

— Сдержим! — громом отозвалось по всему небу.

Этот отклик был сильнее буйства взбудораженной реки.

Вода размыла отрезок дамбы длиной примерно в половину мили и волны постепенно заливали остров. Мы установили насосы для выкачивания воды; другие механизмы занялись кладкой новой дамбы. Камни и цемент пришли в движение. На тревогу слетелось около десяти тысяч человек. Самолеты сыпали землю, камни, цемент, новая дамба уже виднелась кое-где, словно какой-то дивный дракон выставил из воды свой хребет. Среди людей, работавших неподалеку, я заметил Глэдис; она стояла на свеженасыпанном участке дамбы. Внезапная волна прорвала этот участок и, подхватив Глэдис, понесла ее от берега на глубину. Она успела только охнуть. Несчастья никто не видел, так как

внимание всех было приковано к прорванной дамбе. Я позвал Джоба и бросился в реку вдогонку за Глэдис. Догнал ее, но тут нас обоих понесло основное течение и мы оказались посреди реки. Держа Глэдис за волосы, я кричал ей:

— Не бойтесь! товарищи нас спасут!

Но мои силы мало-помалу иссякали в зимней воде. Вдруг что-то толкнуло меня в плечо. Это была проплывавшая мимо коряга. Мы уцепились за нее, и бешеное течение повлекло нас дальше.

Между тем, на воду легли лучи прожекторов.

— Нас ищут, — шептал я девушке.

Вскоре Джоб с несколькими товарищами догнал нас на крыльях и выхватил из воды.

Нас, мокрых и замерзших, принесли в дом одного товарища у Дьюдни. Глэдис уложили в постель, а я, переодевшись в сухое, хотел было снова возвратиться к работе.

— Прежде всего, ты должен отогреться, — остановили меня товарищи. — А во-вторых, нечего туда возвращаться, так как дамбу уже починили.

Теперь я получил возможность увидеть на практике, что значило принадлежать к «всемирной семье». Телефон в доме не умолкал, все интересовались нашим здоровьем. Ближайшие соседи набились в дом такой толпой, что некуда было ступить. Только привычка не превращать ночь в день разогнала их в конце концов по домам.

Когда все ушли, подруга хозяина дома сказала, что Глэдис хочет меня видеть. Я прошел в комнату, где она лежала. У ее постели сидел старый Колман. Он с большим волнением сжал мне руку.

— Благодарю вас!.. Спасибо за то, что спасли мою молодую жизнь!.. (Он, как и все здесь, верил в бессмертие через детей).

Я что-то пробормотал об «обязанности» и сказал, что должен был отблагодарить Глэдис за свое возвращение к жизни.

А Глэдис протянула ко мне свою белую ручку и, взяв мою, посмотрела мне в глаза глубоким, пристальным взглядом, в котором читалась благодарность и какая-то тоска, проникшая в самую глубину моего сердца.

Старик вышел в другую комнату, а я сел в кресло у кровати.

Джоб крикнул из-за двери, спрашивая, не хочу ли я вернуться в клуб.

Я собрался уходить.

— Оставайтесь здесь, — взмолилась Глэдис.

Джобу пришлось улететь самому. Я остался.

Ее рука была в моих ладонях; ее глаза смотрели в мои. С минуту мы молчали.

— Почему вы с тех пор ни разу не зашли к нам? — спросила она.

— Так... не было времени.

— Говорите правду!..

— Я не хотел, чтобы... Бесси снова посмеялась надо мной, — сказал я.

— Бесси?.. Какая Бесси?

— Ваша бабушка.

— Бабушка?

— Да!.. та Бесси, которую я любил и люблю без памяти...

— Но она давно умерла...

— И продолжает жить теперь, пусть и частично, Глэдис.

— Так вы любите во мне умершую?

— Нет, ваши черты лица только напоминают мне ее, но я люблю... — осознав, что едва не выдал тайну своего сердца, я замолчал.

Но слова были сказаны. Окончание фразы Глэдис хорошо поняла, хоть она и была оборвана.

И свершилось...

Она рассказала, что полюбила меня еще тогда, когда я лежал замороженным, а она ждала моего пробуждения — полюбила за самозабвенную преданность науке, за муки моего сердца, разбитого ее бабушкой. Я даже узнал, что она до сих пор не вышла замуж потому, что ждала меня.

.

После выздоровления Глэдис и нашей помолвки старый Колман забрал меня к себе. Провозглашение меня и Глэдис новобрачными должно было состояться на «июньском празднике». Этот праздник приближался, и молодежь, готовая вступить в брак, заключала помолвки. С июня до жатвы почти все получали отпуск и молодым парам выпадал удобный случай испытать первые месяцы своего счастья. (Хотя это не было общим правилом. Некоторые женились, когда им было удобнее.)

Глэдис ждала июня.

Здесь надо вспомнить, что мы с Глэдис, как и все обрученные, должны были предстать перед врачебной комиссией. Доктора исследовали состояние нашего телесного и душевного здоровья и выдали разрешение на продление нашей жизни в детях.

Эта мера призвана была обезопасить нацию от рождения калек. Те, кто не получил от комиссии разрешение обзавестись потомством, также могли сойтись друг с другом, но им не позволялось иметь детей. Правда, подобные браки были редки: с одной стороны, почти все отличались теперь крепким здоровьем, а с другой,

люди здоровые не хотели связываться с калеками и сами калеки брезговали себе подобными. Вступать в брак могли юноши с двадцати и девушки с восемнадцати лет.

Право на труд и право иметь детей неумолимо стояли на страже нового человечества.

VII

Приближалось 15 июня. Отец Глэдис сказал, что собирается вылететь на осмотр полей. Мы с Глэдис решили также полететь со стариком в прерии, а оттуда на праздник молодежи в Маклауд.

Хорошо было лететь над вершинами Каскадов, над долинами, где леса казались кустарником, а реки и речушки серебряными полосками. Как орел, наш самолет перелетел через вершины Скалистых гор и перед моими глазами зазеленели бескрайние прерии Запада. Моя душа затрепетала, когда я увидел знакомые места: вот Летбридж, вон Калгари, а там виднеется, похоже, бывший Эдмонтон.

Старый Колман снизил скорость, и мы спустились ниже. Теперь мы видели огромные стада домашнего и дикого скота, табуны лошадей, отары овец.

— Вы ведь говорили, что скот не выращиваете? — спросил я.

— Они свободны, — ответил отец Глэдис.

— Как так «свободны»?

— Эти горы и восточную часть Альберты, уходящую на юг к Монтане, мы уступили нашим бывшим четвероногим рабам.

— А вы не боитесь, что орды животных вторгнутся на поля и уничтожат посевы?

— Земледельческий район у нас очень хорошо защищен, соколик! — ответил товарищ Колман. — До наших посевов даже полевые вредители не сумеют добраться. Когда-то каждому фермеру в отдельности приходилось защищать свои поля провололочной сеткой. Наша ферма велика, начинается за Калгари, кончается за Дакотой, но ограда наша и крысу не пропустит.

Мы обедали в Калгари. Город был полуразрушен. Там, кроме станции для случайных путешественников, не осталось ничего.

Из Калгари мы отправились в Саскатун. В 50 милях к востоку от Калгари мы перелетели через то самое провололочное ограждение и вдруг увидели бескрайние поля, зеленевшие, как самоцветный изумруд.

— Хороший урожай! Хороший урожай! — восклицал старый фермер.

Кое-где на полях стояли аккуратные фермы. Под навесами располагались машины.

— Во время жатвы мы будем жить с тобой в такой хижине, — шепнула Глэдис, прижимаясь ко мне.

— Вот и Саскатун! — показал вперед Колман.

— Что-то не похоже на Саскатун, — засомневался я. — Откуда взялись стены и башни, что перегораживают всю долину?

— Так это же наши элеваторы. Это наши кладовые, снабжающие целые страны.

Я вспомнил, что в мое время к северу, востоку и западу от Саскатуна, как трудолюбивые бобры, обрабатывали землю сотни тысяч украинских фермеров.

— А как вы сейчас относитесь к языку?

Я узнал, что они смотрят на язык, как на способ общения и достижения взаимопонимания между людьми; ни один язык не имеет предпочтения перед другим, и все дети еще за школьной партой учат несколько языков.

— Мы обмениваемся детьми. Англичане берут к себе немецких, французских, японских, украинских и прочих детей и взамен отдают своих. В детстве моя Глэдис провела три года в Киеве в одной украинской семье.

— Ти вмієш по-українському? — глянул я на Глэдис.

— Вмію, — ответила она на нашем языке.

Это стало для меня приятной неожиданностью. Я начал расспрашивать ее об Украине. Она сказала, что там, как и в Канаде, царят коллективизм, порядок, благополучие и счастье. А веселый украинский народ поет над Днепром свои чудесные песни.

Мы прилетели в Саскатун. В городе находилась главная квартира земледельческого комитета, и старый Колман собирался остаться здесь.

Саскатун, этот красавец прерий, сохранился лучше Калгари и был почти такой же, как в мое время, разве что улицы были красиво заасфальтированы, а небольшие деревца вдоль тротуаров превратились теперь в высоченные деревья. Магазины на Второй авеню и близлежащих улицах исчезли, а их место заняли летние кухни и рестораны для жнецов.

Мы остановились в гостинице «Оуэн» и как раз попали на ужин. За столами сидели две сотни студентов-агрономов и несколько товарищей из Англии и Луизианы, приехавших за пшеницей.

Студенты приветствовали своего старого профессора радостными возгласами. За ужином только и говорили о состоянии посевов и всевозможных нуждах полеводства. После ужина все перешли в пустой театр и устроили любительский концерт. В десять мы вышли из театра в ночь, но на дворе было светло, как днем.

— Что такое?

— А вы забыли? Это светят наши искусственные солнца, — отвечал товарищ Колман.

Действительно, на востоке словно сияло несколько лун.

Мне объяснили, что искусственные солнца передвигаются на проводах, поднятых на пять тысяч футов над полями.

.

С утра 15 июня мы с Глэдис сели в самолет и вместе с несколькими самолетами из Саскатуна вылетели в сторону края индейцев-черноногих.

И вот перед нашими глазами заблестели серебряные вершины Скалистых гор. Горы необозримой стеной уходили на юг, а вдоль этой стены простиралась ровная как стол прерия, теряясь на востоке где-то за бывшим Летбриджем.

А вот и Маклауд, словно зеленый кустик на этом пространстве. За Маклаудом чернеет какая-то колоссальная, чуть ли не вровень с вершинами гор башня. Издалека я не мог ее достаточно хорошо разглядеть.

— Это памятник пионерам Запада, — объясняет Глэдис.

Теперь я видел, что вокруг центральной фигуры стояли какие-то статуи поменьше, а еще дальше чернело строение, похожее на древний амфитеатр греческих олимпийских игр.

— Там проходит наш «июньский праздник», — проговорила Глэдис.

Я оглядел небо. Словно журавли, тянулись с востока, юга и запада многочисленные самолеты; подобно огромным кондорам, подлетали большие воздушные корабли; и все направлялись в Маклауд.

Мы подлетели ближе. Внизу собрались уже тыся-

чи людей. Глэдис повернула самолет к изваянию и мы облетели вокруг него.

Статуя изображала мать, сидящую на снопах с двумя детьми — мальчиком и девочкой — на руках. Вокруг располагались фигуры поменьше: тут индеец, догоняющий зубра, там охотники Гудзонской компании ставят свой форт, здесь рабочие кладут рельсы первой железной дороги. Идут эмигранты с узлами и чемоданами (британцы, скандинавы и украинцы), все в своих национальных нарядах; вот пионер взрывает плугом первый ломоть дикой прерии, а вот уже пришли в движение огромные комбайны и молотилки.

Наш самолет сел на землю.

Вокруг нас тысячи и тысячи гостей. Все молодые, веселые, радостные. Только что недалеко от амфитеатра моего Джоба обвенчали с Ласси. Они тоже были помолвлены.

Потом начались игры: бег наперегонки, демонстрация силы, пение, декламация новых стихов. (Для пения или декламации некоторые использовали мегалфон, чтобы их слышали все собравшиеся.) Но американцы оставались американцами — любят они показать что-нибудь грандиозное. Таков был балет с десятью тысячами танцоров, затем негритянский хор в пятнадцать тысяч душ. Этот хор пел песенку с берегов Миссисипи; и казалось в ту минуту, что плывешь в лодке по широкой реке и слышишь пение давешнего раба. Затем выступали скульпторы, художники, актеры, изобретатели машин и другие — девушки и юноши.

Судьи, выбранные из числа старших товарищей, назначили награды: венки из степных цветов, сплетенные здесь же нашими подругами.

После полудня все группами разлетелись на пикник.

Когда зашло солнце и в небе замерцали звезды, все снова сошлись к амфитеатру; его озаряло искусствен-

ное солнце, висевшее над головой центрального изваяния. Вновь последовали развлечения, длившиеся почти до самого рассвета.

Пришло время для церемонии «венчания».

Несколько тысяч невест, облаченных в белые одежды, стали со своими нареченными перед помостом, воздвигнутым напротив статуй. Один старый, седой, как лунь, товарищ обратился к нам с речью.

Он говорил о счастье любви, которую мы все тогда испытывали, и призывал нас не развеять опрометчивым поступком этот сон блаженства. Потом он подозвал свою седенькую подругу и всех своих детей, внуков и правнуков — на помосте около него собралось около трех сотен человек. Сыновья взяли старика и старуху за руки и все обнялись, а потом этот престарелый товарищ, словно благословляя, простер руки над нашими головами и произнес:

— Желаю вам всем, дети мои, такого же счастья, какое испытал я со своей подругой.

Церемония завершилась. Мы сели в свои самолеты.

.

Заливая червонным золотом небеса, взошло солнце и озарило возвращающееся домой счастливое молодое человечество, человечество эры коллективизма.

ПАВЛО (ПАВЕЛ) ГЕОРГИЕВИЧ КРАТ
(15 октября 1882 – 25 декабря 1952)

Украинский прозаик и поэт, политический, религиозный и общественный деятель, переводчик и журналист. Автор первой в украинской литературе утопии. Псевдонимы: Павло Розвій-Поле, о. Проколушій, отец Проколушін, П. Терненко.

Родился в Полтавской губернии в с. Красная Лука Гадячского уезда в семье ветеринара. Отец часто менял службу и переезжал в разные населенные пункты Полтавского уезда: с 1887-го — в Хороле, с 1892-го — в Лубнах, где был управителем Лубенской сельскохозяйственной школы. Здесь с 1893 года юный Павел Крат учился в гимназии, и в то же самое время начал писать лирические стихи. В 12 лет он становится членом тайного ученического кружка, что сделало его, по собственному заверению, украинским националистом, чуть позже — социалистом и революционером: «Людей я разделял на два класса: “буржуазию” и “рабочих”, или на зло и добро».

В 1901-1904 годах, там же в г. Лубны, состоял и был активным участником Украинской революционной партии (РУП). Вместе с другими революционерами организовал «Украинский социал-демократический союз», который был автономной частью Российской социал-демократической революционной партии (РСДРП). Летом 1903 года, сразу же после окончания Кратом Лубенской гимназии, в газете РУП «Селянин» состоялась его первая публикация — стихотворение «Демонстрация», вышедшее под псевдонимом «Павло Розвій-Полле». В той же газете и под тем же псевдонимом публикуются и другие его поэтические произведения.

Некоторое время он учится в Харькове, Москве, Петербурге, в Киевском университете. В 1905-м из-за преследования царской охранки эмигрировал сначала в Швейцарию, а затем приехал во Львов. Летом 1906 года вместе с товарищами по партии в Полтавской губернии готовил вооруженное восстание, но полиция не дремала; Павла Крата арестовывают и он оказывается в следственной тюрьме в Лубнах. За политическую пропаганду и террор ему грозила смертная казнь через повешение, но благодаря авторитету отца и залогом в 5 000 золотых рублей Павел Крат через Москву, Петербург, Финляндию, Швецию и Германию выехал во Львов, где записался в Львовский университет обыкновенным слушателем. В это время он начинает писать свою повесть «Последнее хождение Бога по Земле».

В 1907 году, преследуемый царской охранкой, он был вынужден эмигрировать в Канаду под именем Павел Терненко. Податься за океан его заставило преследование властей за участие в демонстрациях за украинизацию Львовского университета. Тогда, в январе 1907 года, он возглавил группу студентов, которые завладели университетским корпусом на ул. Святого Николая, воздвигли там баррикады и вывесили на крыше украинский флаг. А Павел Крат, напялив ректорскую мантию, резал ножом портреты самих ректоров. Студентов арестовали и несколько месяцев они провели в тюрьме.

Первое время в Канаде он тяжело работал на лесозаготовках, но не прекращал участия в социалистическом движении и своего литературного творчества. Впоследствии ста-

новится одним из основателей «Украинской вольнодумной федерации» (Українська вільнодумна федерація), а после Второй мировой войны — Научного общества имени Шевченко (НТШ). С 15 ноября 1907 года стал первым редактором социалистической газеты «Красное знамя» (с 1908-го — «Рабочий Народ»), а затем редактором и издателем первой юмористической газеты «Кадило» (позднее переименованной в «Кропило»).

Первой книгой Крата становится поэтический сборник «Социалистические песни», который вышел в 1909 году и был подписан псевдонимом «П. Терленко». В этом сборнике был напечатан и первый перевод «Интернационала» на украинский язык. Затем появляется рассказ «Визит “Красной Жены”» (1912), сборники «“Когда будет легче?” и другие рассказы» (1912), «За землю и волю» (1914) и юмористическая повесть «Последнее хождение Бога по Земле, или Бог на Революции» (1915). А в 1918 году выходит его фантастическая повесть «Когда взойшло солнце» с подзаголовком «рассказ из 2000 года», в которой автор представляет читателю утопическое будущее Канады на основе его социалистических воззрений.

В 1916 году, под влиянием вестей про ужасы войны в Европе, он отходит от социализма и отдает все силы религии, превратившись в яростного клерикала. В 1915-1918 гг. в Саскатуне в пресвитерианской коллегии он преподает теологию. В 1918-1919 гг. он основал Украинский Народный Университет в Канаде, где стал преподавателем украиноведения. В 1919-м, как евангельский проповедник, становится основоположником Украинской Самостоятельной Евангельской Церкви в Торонто. Эти воззрения находят место и в его творчестве: «С Христом воскреснем» («Із Христом повоскресаймо»), «Исследование Бога» («Дослідження Бога») и др.

В 1923 году в качестве миссионера уезжает в долгую командировку в Европу, в частности в Западную Украину (1923-1938). Здесь в 1923-24 гг. был редактором журнала «Вера и знание» («Віра та знання»). Возвратившись в Канаду в 1938 году, Павел Крат из-за болезни не мог продолжать свою церковную деятельность. Он поселяется на ферме около Торон-

то и пишет книги о духовности и истории Украины. Последней его работой стал первый том «Украинской стародавности», который вышел уже после смерти автора.

Скончался Павел Крат в 1952 году в г. Торонто (Канада).

*

Перевод выполнен по первоизданию: Крат Павло. Коли зійшло сонце: Оповіданє з 2000 року. Торонто, 1918. Биографический очерк В. Карацупы взят с сайта «Архив фантастики» (http://archivsf.narod.ru/1882/pavlo_krat/index.htm).

В оформлении обложки использован кадр из мультфильма И. Боярского и И. Иванова-Вано «Летающий пролетарий» (1962).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.